

ЯНСКИЙ БЕРЕГ

18+

Василиса Женина

Василиса Женина

Янский берег

<https://litres.ru/73985833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Паша, Матвей, Даня и Глеб были друзьями. С первого класса и до того вечера, который все сломал. Потом они разбежались на тринадцать лет.

Паша построил бизнес в большом городе. Даня нашел тишину в маленьком храме. Матвей остался в родном районе с большой матерью.

Все трое получают подозрительное письмо от Глеба. Паша бросает бизнес, Матвей сбегает от полиции, Даня оставляет храм. Каждый думает, что едет один.

В Депутатском их встречает пустая квартира и холодное молчание.

Глеб пропал.

Им предстоит пройти через холодную тундру, влезть в чужой преступный бизнес, встретиться с прошлым, которое они так долго хоронили, и попытаться выжить.

Но главное — каждый должен ответить себе на вопрос: можно ли искупить то, что уже не исправить?

Содержание

Письмо	4
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	60
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Василиса Женина

Янский берег

Письмо

14 сентября 2024, 11:21

От кого: библиотека.ustyanskaya

Тема: Литвинов Глеб. Важно.

«Здорова, родной!»

Я все еще нахожусь в экспедиции в Усть-Янском улусе. Снял квартиру в Депутатском по адресу Микрорайон Северный, 8, кв 14.

Работа идет, находки есть. Недавно наткнулись на фрагмент бивня с необычными насечками. Даже музей в Якутске заинтересовался, прислали своих. Тяжело, но интересно.

А еще я открыл для себя местную библиотеку. Представь, в такой глуши и столько книг по краеведению! Особенно про Янский берег, про старые захоронения, про саму реку Яну. Я там пропадаю часами. Библиотекарь, кстати, парень очень приятный, да и знает много.

Ближайший самолет из Якутска в пгт Депутатский вылетает 17 сентября.

Надеюсь, сможешь приехать. Давно не виделись.»

Глава 1

14 сентября 2024; г. Лаптинск

Паша очень хотел бы, чтобы холодный сентябрьский вторник начинался с обеда, но ему пришлось быть в офисе с одиннадцати. Вообще он для всех сотрудников сделал рабочий день с одиннадцати — сам раньше вставать не потянул бы, да и других заставлять не хотел.

Из окна веяло осенней, пасмурной прохладой. Кажется, на улице потихоньку собирался дождь. Грозы ничего не предвещало, только сильный ливень — что неудивительно, дожди уже как неделю начались. Типичная грустная осень. Однако лучше промерзнуть, чем дышать спертым воздухом кабинета. «Надо бы себе за привычку поставить проветривать на ночь» — подумал Паша, потягиваясь за рабочим столом.

На телефон пришло сообщение. Паша мельком глянул на экран: «сестра».

«Братик, скинь 3к».

Он открыл приложение банка и перевел десять тысяч. Через минуту пришел ответ:

«Ого, спасибо! А 3000-то кинешь?»

Паша усмехнулся, убрал телефон в карман. Сестра останется сестрой, сколько ни переводит.

Наверное, стоило поработать, но энергии не хватало. Сегодня он почти всю ночь не мог уснуть. Потянулся к рюкзаку, достал энергетик, который купил в магазине у офиса. Банка открылась с приятным шипением, в нос ударил едва ощутимый кисло-сладкий аромат черники. Сделал глоток и услышал оповещение о новом письме на электронную почту.

Рабочую почту он уже давно скинул на своего заместителя Андрея, чтобы тот передавал только самое важное, и то краткими выжимками. Однако на его ноутбуке стояла личная почта, которая являлась также и рабочей для более узкого круга людей. Почти ни с кем, помимо надежных, проверенных годами партнеров, он с этой почты не переписывался.

Уже хотел положить руку на тачпад и открыть письмо, как вдруг послышался стук в дверь. Андрей, как всегда, едва постучав, сразу заглянул внутрь, не дождавшись ответа:

— Павел Макарович, там... — парень сглотнул, замялся, потупил взгляд в пол. — Агафонов приехал.

Паша взглянул на наручные часы — 11:27.

Странно.

Они вроде договаривались на двенадцать тридцать.

— Так... мне это... сказать что, вы сейчас подойдете или чтоб подождал?

Паша никак не мог привыкнуть к тому, что Андрей так мнется перед ним. На каждой встрече, на которой он бывал, Андрей показывал цепкую хватку, вступал в перегово-

ры, спорил, но при виде Паши становился каким-то неуклюжим, нелепым, хотя был старше почти на четыре года.

— Скажи ему, я сейчас подойду, — голос Паши прозвучал лениво, немного уставше. — В переговорке?

— Да.

— Хорошо. Скажи, что я буду через пять минут.

Андрей кивнул и вышел.

Когда дверь закрылась, Паша нервно выдохнул, схватился за голову, потер глаза. Сердце быстро заколотилось.

Что этот Агафонов вообще удумал? Зачем приперся так рано?

Да, он был готов к этой встрече, прокручивал все вариации разговора почти до самого утра, пока окончательно не вырубился.

Но Агафонов, видимо, решил сбить его с толку.

Мерзкий червяк, которого раньше Паша не то чтобы за друга считал, скорее за приятеля. Но относился с некой толикой тепла, даже уважения, что ли. Уважения, которое пропало в момент, когда Агафонов решил оставить Пашу в их общей компании фактически ни с чем. И вот уже месяц они бодались, стараясь прогнуть второго под себя.

Хотя Паша не то чтобы хотел прогибать Агафопова. Нет, ему просто нужно, чтобы работа продолжала идти в том же темпе хотя бы еще некоторое время.

С Юркой они познакомились около шести лет назад. Буквально через год общения открыли общую компанию на два

ИП. Паша оформил на себя компанию по продаже стройматериалов, взял клиентскую базу, в итоге расширил штат. А часть, оформленная на Агафонова, занималась складами и логистикой.

И все шесть лет существования их фирмы это решение казалось вполне удобны и разумным. Каждый развивался в своей стезе. Офис у них был общий, кабинет общий, все обсуждалось на месте. Парни сутками проводили бок о бок, рассуждали, разбирали деловые поездки, коммуникации, все было разложено по полочкам.

До тех пор, пока Агафонов вдруг не решил, что его часть бизнеса справится и без Паши. Поначалу просто пытался забрать команду, влияние. А вскоре совсем съехал с офиса и решил разделить компанию на две части.

Ну что ж, хотел войны, тогда они повоюют.

Паша расправил плечи, открыл фронтальную камеру на телефоне, поправил прическу — идеально уложенные волосы немного растрепались по пути на работу. Поправил воротник, осмотрел себя: не мятая ли рубашка, приличные ли брюки, не замазал ли обувь, пока пробирался по лужам от стоянки до офиса. Отхлебнул еще разок энергетика, как будто ему и без того тревоги не хватало, и направился в переговорную.

Выйдя из кабинета, он оказался в открытом пространстве, где сидел небольшой штат сотрудников: кто-то без конца говорил по телефону, кто-то что-то обсуждал, кто-то печатал.

Паша, в общем-то, не сильно разбирался, кто чем занимается. За это отвечал в основном Андрей. Для Паши было главным, что все работает, что у него подобрана замечательная команда и каждый хорошо выполняет свой функционал. А если кто-то не выполняет — это уже отдельный разговор с отдельным человеком.

Неподалеку от его двери сидела его личная помощница Леночка. Он довольно улыбнулся ей, Лена кокетливо хихикнула в ответ. И когда парень уже потянулся к ручке двери, она вдруг окликнула его:

— Паш, будешь кофе, чай хотите?

Кофе? Кофе будет выглядеть солиднее. Хотя смешивать его с энергетиком не лучшее решение. Наверное, лучше просто водички попить... Но до кулера идти. Агафонов же явно за дверь, уже услышал, что Паша пошел. Сделать шаг назад, может считаться за проявление слабости, неуверенности.

Чай? Агафонов подумает, что тот успокаивает нервы. Тоже не вариант.

— Леночка, сделай, пожалуйста, кофе. — Он посмотрел на нее, затем на дверь. — Лучше, наверное два кофе.

— Конечно,— прозвучало нежно, ласково, по-доброму.

Лена всегда обычно поднимала ему настроение. Приятная, милая, симпатичная, а самое главное умная и ответственная. Она полностью следила за его расписанием. Он без нее, честно признаться, даже времени постричься бы не выделил.

Лена тут же подскочила из-за стола и направилась к кофемашине.

Паша ухватился за ручку двери, остановился, затаил дыхание, сложил губы трубочкой и глубоко выдохнул. Выпрямил спину, расправил плечи и спокойно открыл дверь.

По кабинету ступал медленно, вальяжно расшагивая.

— Здравствуй, Юра, — сказал он уверенно, без запинки, проходя вдоль длинного стола, рассчитанного на человек двенадцать, и протянул руку, чтобы пожать бывшему компаньону.

Впрочем, тот благополучно проигнорировал жест, лишь напыщенно уставившись в ответ.

Паша и бровью не повел. Вернул руку на место и тем же медленным, уверенным, самодовольным шагом направился к своему креслу в самом центре стола. Уселся и расслабленно улыбнулся, перед тем как спросить:

— Так и будешь молчать? Я думал, что мы встретились чтобы пообщаться, обсудить общие вопросы. — голос Паши звучал ровно, уверенно, даже самодовольно.

— Ну, это ведь ты меня позвал, — Агафонов наклонился ближе, сцепил руки в замок и посмотрел прямо в глаза Паше, — тебе и карты в руки.

Ох и сложный же их ждет разговор. Паша неделями готовился к этой личной, в каком-то роде даже дружеской встрече. Потому что решить этот вопрос не сможет ни один гребаный юрист, с кем бы он из своих знакомых ни советовался.

Все ему говорили, что дело провальное.

Паша продолжал молча ожидать. В отличие от Юры он знал, что их беседа — это игра и тот, кто заговорит первым проиграет.

— Давай только по-быстрому. У меня всего пятнадцать минут. — Юра подтянулся, размял руки и откинулся в кресле так, будто разлегся, нежели просто сел.

Ага, конечно. Паша прекрасно понимал, что это ложь. Юра слишком хорошо его знал. Знал, как он готовился ко встречам, как привык жить по расписанию, раскладывать все по полочкам. И нарочно приехал раньше указанного времени.

Еще эти «пятнадцать минут», — ну бред же? Не мог Юра выделить всего пятнадцать минут на их встречу. Если бы он торопился, он бы так расслабленно не сидел, он бы даже в переговорку скорее всего не заходил. Нет, влетел бы в кабинет или вообще перенес встречу.

Что ж. Пятнадцать минут, так пятнадцать. Поверим.

— Так, ну давай. Будем честными. Продавать стройматериалы без стройматериалов... — усмехнулся Юра, активно жестикулируя руками. Посмотрел вверх, как бы обдумывая, — ну, как будто бы прям вообще невозможно, да?

Да, невозможно. Паша это понимал. Ни одна мышца на его лице не дрогнулась. Он смотрел прямо Юре в глаза, ожидая, когда тот закончит мысль.

— Так что, может, мы уже перестанем херней страдать,

да? — Юра прищурился, закатил глаза, будто говорил что-то сверхочевидное. — Ну, так что, давай уже по-простому: ты свое ИП закрываешь, мы его на меня переоформляем. А работаешь с командой так же, как работал. Только теперь — на зарплате. Причем на очень даже приличной.

Паша хмыкнул, но ничего не ответил.

И на что тот рассчитывает? Что он согласится? Забавно.

Юра нарочно глянул на часы: Casio — той же марки, что и у Паши. Специально ко встрече, что ли, купил? Раньше Юра часов не носил.

— Слушай, ну что ты молчишь? Давай уже. Да или нет? Мне идти пора. Мне нужно понимать, мы с тобой дальше работаем или нет. У меня есть товар, который нужно продавать. У тебя есть команда. Товар без команды я продам. А вот тебе даже с твоей охренительной командой продавать нечего. Я тебя просто кидать не хочу, поэтому предлагаю. Лучше, чем без ничего оставаться, правда же? В любом случае, тебе, если оно не надо, я поехал.

— С кем работать, думаешь?

Юра чуть дернул головой назад от этого выпада.

— Ты же на рынок решил заходить. С кем? Стройкорпус? Техноагрегат? Может частые подрядчики?

Паша продолжал поддерживать зрительный контакт. Глаза Юры то и дело бегали: к двери, затем на Пашу и обратно. Бывший компаньон ерзал, поправлял рубашку.

— Было бы предложение, а спрос найдется, сам же зна-

ешь, — нарочито ответил Юра. — Да и вообще, на всех документах при поставке ИП Агафонов указано. Так что не думаю, что наши клиенты заметят особую разницу.

Юра сгорбился, почесал шею и рассмеялся:

— Блин, ты ведешь себя так, будто не ты меня позвал сюда на встречу. Признай уже, что это ты в заднице. Я тебе нужен, не наоборот.

Он поправил манжет на рукаве, застегнул расстегнутую пуговицу.

— Закрывать свою компанию и работать на зарплату? — самодовольно усмехнулся Паша. — Юр, мы с тобой оба понимаем: для закупок для качественной закупки нужны не только договоренности, но и деньги, отложенные наперед. А с твоим кредитом под бешеные проценты, на который ты решил взять следующую поставку, кажется, не только моя зарплата, но и зарплата всей моей команды может слегка пошатнуться.

— Так, может, если бы ты деньги не на свои счета переводил, а как положено — сразу на счет хотя бы одного поставщика, то никаких кредитов бы и не было, — почти прикрикнул Юра.

Паша дернулся, Юра тоже напрягся, ощетинился. Паша не видел, чтобы Юрка хоть раз тон повышал. Обычно он слишком спокойно ко всему относился, ленился. А тут вдруг забеспокоился. Задело?

— Ну, если наша команда заработала, то деньги на наши

счета и падают. Тебе так не кажется? А в нашей текущей ситуации, с твоими даже кратковременными займами в банке — мы оба знаем, чем они обычно заканчиваются.

У Паши начало пересыхать в горле, ладони слегка вспотели. Он старался максимально не шевелить ими, говорить спокойно, дышать ровно, чтобы, не дай бог, не выдать слабую позицию.

Он знал: Юра запросто может забрать всех клиентов. У него есть доступ ко всем базам. На всех договорах действительно стоит название именно его компании. И в целом — да, Юра, пожалуй, прав. Хорошую команду продажников найти не так уж сложно.

Но до Юры, похоже, это еще не дошло. Хотя, возможно он преследует совершенно другие цели.

— Я так и не понял: чего ты хочешь? Забрать мою компанию? Контакты? Сотрудников? — Паша говорил размеренно, делал паузу после каждого слова, а к последнему вопросу понизил интонацию: — Сотрудничать?

— Да ты издеваешься, что ли?! — не скрывая злобы, громко вскрикнул Юра. — Ты останешься ни с чем! Вся твоя эта надменная, нахальная уверенность сейчас вообще не к месту! Я тебе реальный вариант предлагаю, руку помощи протягиваю, а ты... Какое сотрудничество, нафиг?! Ты либо с голой жопой остаешься, либо ко мне работать идешь. У тебя что, третий вариант есть что ли?! Тебе скоро даже за квартиру нечем платить будет!

— Юр, ты прекрасно знаешь, что у меня бюджет рассчитан на четыре месяца вперед, — Паша отвечал ровно, спокойно, серьезно. — На зарплаты сотрудникам деньги выделены, мои средства тоже есть, на проживание хватает. Квартира оплачена на ближайшие полгода. Так что не думаю, что с этим возникнут какие-то проблемы. А вот твоя подготовка меня, честно признаться, беспокоит.

Паша вдруг замолк. Неловкая пауза повисла в воздухе. Для Паши она была привычной, не просто терпимой, необходимой. А вот Юру эта тишина явно нервировала. Он постукивал пальцами по столу, сглотнул, втянул щеки, смотрел исподлобья.

Паша у себя в голове отсчитывал секунды: пять, шесть, семь...

— Да ты что, думаешь, я займ не закрою? Ты лучше подумай, как ты воздух продавать будешь! А у меня: поставки, товар лежит, договора, все налажено, машины есть. Чего мне бояться? Чего переживать?

Бинго.

Сердце Паши бешено колотилось. И хоть он едва сдерживался, чтобы не выдать улыбку, продолжил спокойно:

— Бояться, наверное, нечего. Только пока ты будешь поставки с партнерами настраивать, пока я буду новый договор с поставщиками составлять, все переоформлять, тебе не кажется, что нас обойдет Баженов?

Паша сделал паузу, пристально разглядывая собеседника:

тот стрельнул взглядом в потолок, затем обратно к столу, зарзав на стуле.

— Думаю, нам с тобой будет выгодно продолжить работать в том же формате еще месяца два-три. Ну, пока ты команду будешь набирать, а я договор с поставщиками переоформлю. Иначе, думаю, что ты, что я — просто потратим время и утеряем доверие партнеров и поставщиков. А у нас еще новый договор с Томском сейчас заключается. Не хотелось бы, чтобы он провиснул.

— А что ты предлагаешь? Засесть обратно в уютном офисе и обсуждать планы насущные? — огрызнулся Юра. — Потеряем мы договор — невелика беда. И без них все прекрасно работало.

Паша пару раз моргнул. Слишком быстро. Неконтролируемый жест, который, как ему казалось, сейчас он не мог себе позволить.

— Я настраивал цепочку поставок с компанией — он продолжил говорить размеренно, голос ни разу не дрогнул, — на протяжении четырех месяцев. Это даст нам выход на более высокий поток, расширит клиентскую базу. Можно будет работать не только с их компанией напрямую, но и с компаниями их партнеров. Что увеличит продажи: по предварительному договору на двадцать четыре процента от уже устоявшихся закупок. Они будут брать стабильно раз в две недели, на протяжении года. Плюс, по запросу, поставки пойдут к их партнерам. По предварительным данным, это даст нам еще

восемь, а то и девять процентов увеличения продаж.

Паша взглянул на часы у себя на запястье, снова самодовоительно хмыкнул, а затем продолжил:

— Соответственно, мы договорились с нашими поставщиками, что при увеличении наших закупок на двадцать четыре процента и при договоренностях на ближайший год о стабильных закупках, которые, как ты знаешь, раньше у нас не были приоритетными — они предлагают нам скидку в восемнадцать процентов от общей суммы поставок.

Юра больше не усмехался. Смотрел на него серьезно, едва заметно дернулся, потер нос, хмыкнул.

— И как ты предлагаешь нам с тобой не потерять этот контракт?

— Кажется, твои пятнадцать минут уже прошли? Уверен, что есть время продолжить обсуждение?

Юрка откинулся на кресле и рассмеялся во весь голос:

— Знаешь, думаю, на двадцать четыре процента я могу выделить себе еще немного времени.

В целом, после этого диалога они надолго в переговорной не задержались. Агафонов договорил, пожал Паше руку и сказал, что найдет в своем «плотном» расписании день для переподписания договора. Паша пожал руку в ответ, простился и вышел из кабинета первым. Он надеялся, что тот не заметит, как он быстро вытер потную ладонь о штанину.

Паша вышел из кабинета, расслабленный, попросил Леночку сделать ему еще кружечку кофе, подмигнув девушке,

прежде чем удалиться к себе.

Провожать Агафонова он не стал. Вернулся в кабинет, прикрыл дверь и наконец-то смог расслабленно выдохнуть. Господи, он и не надеялся, что все пройдет настолько просто. Хотя и умудрился перенервничать и чуть ли не словил паническую атаку.

Ну хоть так.

Уселся за свой потрепанный ноутбук. Банка энергетика, стоявшая возле входа под зарядку, успела нагреться. Твою ж... Придется покупать новый. Эту теплую бурду пить теперь невозможно.

Он откинулся в кресле, запрокинул голову на спинку, прикрыл глаза. Прохладный ветер пусть и морозил, но был гораздо приятнее сперттого воздуха в переговорке, который, скорее всего, стал душным из-за Агафонова. Вот же паршивец.

И как Паша вообще додумался до такого? Как у него это получилось повернуть? Для самого Паши это осталось загадкой.

Дверь в его кабинет распахнулась, Леночка принесла ему вторую кружку кофе.

А нахрена он ее вообще попросил? Сердце после нее если уж не остановится, то, как минимум, точно не успокоится.

Хотя да. Он же нарочно попросил, чтобы Юрку взбесить. Чтобы Агафонов увидел: «О, посмотри, какой я важный начальник». Он сам себе усмехнулся. И все-таки приятно было

видеть его самодовольную рожу такой перекошенной и тревожной.

Леночка остановилась в дверях, приоткрыв рот, будто хотела что-то добавить, но замерла, ожидая. Паша поднял на нее глаза.

— Я занят, — бросил он, отворачиваясь к ноутбуку.

— А чего так грубо? — в ее голосе не было обиды, скорее легкое удивление.

Паша усмехнулся, повернулся к ней, наклонил голову и произнес с нарочитой лаской:

— Грубо? — он улыбнулся, но глаза остались серьезными.

— Ты ж моя хорошая, ну а что мне поделывать, если я занят?

Леночка хотела ответить, но в этот момент на телефоне Паши что-то брякнуло. Он взял его со стола, пролистал уведомления. Три новых сообщения в директ. Две девушки писали первыми. Стандартный набор: «Привет, как дела?», «О, привет, ты классный, может, встретимся?» Паша пролистал, не отвечая. Еще одно — от какой-то знакомой по прошлым переговорам, она предлагала выпить кофе. Он сбросил уведомление вниз и протянул телефон Леночке.

— Вот, разберись с ними.

Она взяла аппарат, пролистала переписку, закатила глаза.

— Ох, понятно, — сказала она негромко, закатывая глаза, затем переслала их контакты себе и вернула ему телефон. — Я тебе, кстати, в почте календарь обновила. — поставила кружку на стул, и остановилась на против руководителя. —

Не забудь, пожалуйста, что собрание у нас сегодня в четырнадцать тридцать.

— Почта? — опомнился он, но заметив на себе обеспокоенный взгляд, кивнул. — Ага, спасибо моя хорошая. Что бы я без тебя делал? — мило улыбнулся и носом занырнул в ноутбук.

Он всегда был на связи, не привык оставлять письма неотвеченными. Личная почта для него тоже являлась рабочей, но для более узкого круга людей.

Не деловую переписку он поддерживал только с Глебом и когда с неизвестного адреса пришло письмо с именем близкого друга, как минимум был удивлен.

На самом деле Глеб часто пропадал в разных городах и странах. Мог не появляться в жизни годами, так что письмо с незнакомого адреса — не самое странно, что он мог увидеть.

В последний раз Глеб был на Алтае и вообще отправил посылку почтой. Паша почтой-то ни разу не пользовался и как идиот стоял в отделении возле дома, выспрашивая у людей из гигантской очереди в какое ему окно.

Пробежался глазами по тексту: *«здорова, родной», адрес, дата вылета*

Интересно.

Он сначала не подумал, что это шутка. Усмехнулся, перечитал.

Глеб так не шутил. Да в целом, Паша уже и не помнил, когда друг шутил с ним. И письмо выглядело серьезным.

Сердце застучало быстрее. Ладонь, накрывающая беспроводную мышь от ноутбука, вспотела и скользнула по кнопке. Дыхание перехватило. Воздуха не хватало, будто кто-то сжал грудную клетку железными тисками. Паша схватился за край стола, сидел так несколько секунд, приходя в себя.

Никакого больше сегодня энергетика. И так с этими нервами и перебоями дыхания стал минимум на день ближе к смерти.

Нервы с утра были ни к черту, теперь еще и это письмо. Все почему-то навалилось в секунду.

И как на это все вообще реагировать? Или что, Глеб реально рассчитывает, что Паша все бросит и умотает в Якутию? Seriously? И вообще, других дел, что ли, нет? Хотя сам понимал, что эти его аргументы совсем нелепые.

Глеб ради него хоть на край земли бы поехал, а он ради Глеба. Да даже если этот чертов розыгрыш... Ну и хорошо. Ну и черт с ним, с розыгрышем. Он его месяцев восемь не видел, а до этого еще год. А до этого — еще два. Что сложного что ли на неделю улететь повидаться? Глеб же к нему заезжает периодически. Вот и он может хоть раз к нему слетать.

Правда же?

Слетать на пару дней, может, даже на три-четыре. Вдруг удастся вырваться. Надо только все подрассчитать, дела передать и слетать. Не так уж много дел в компании, уж пару дней без него переживут. Тем более можно на выходные эти

пару дней подгадать, тогда вообще прекрасно. В выходные его и так не сильно беспокоят. Ну разве что Леночка, но там больше по личному расписанию, нежели по рабочему. Надо только от Агафонова сроков дожидаться

Точно, Агафонов. Надо, наверное, сначала с ним порешать, потом уже к Глебу.

А затем Пашин взгляд скользнул на отправителя.

Чья это почта?

Паша устало потер лоб и вдруг почувствовал влагу. Встряхнул рукой, чтобы ее высушить, и еще раз взглянул на письмо. Что за Устюнская или Устьянская библиотека? Непонятно.

Весь день Паша проходил как в тумане. То и дело нервничал, суетился и старался никому особо на глаза не попадаться, чтобы не нарушать образ великого, веселого, уравновешенного руководителя.

В целом, он уже подобрал билеты. Если до Якутии добраться было не слишком тяжело, то до этого поселка, который Глеб указал, уже сложнее.

Ну и занес же его черт куда-то. Вечно его куда-то заносит. Хорошо хоть в этот раз в пределах страны, а то у Паши заграничника нет. Хрен бы он его так быстро сделал.

К удивлению, обратно можно было вернуться двадцать четвертого.

Отлично.

Передаст обязанности Андрею, Леночка ему поможет.

Они уж точно справятся, умные ребята. Да и ему отдых не помешает.

Глеб точно его разыграл. Хотя, с другой стороны, раньше ведь не разыгрывал. Ну, кто его знает, что у человека в голове. Может, просто захотел вытащить Пашу из его скучной, унылой жизни.

У него-то жизнь ключом бьет: постоянно какие-то встречи, тусовки, знакомства, новые языки изучает, культуры разные. В общем, весело живет. Наверное, подумал, что и Паше хотя бы недельку так пожить не помешает.

До конца дня Паша ждал сообщения от Агафонова. Стукнуло семь часов вечера. Все из офиса потихоньку собирались по домам — не любил никто из них в офисе засиживаться. Паша тоже собрался, сел в машину и поехал домой.

Агафонов, сам по себе, такой человек: нельзя, чтобы все вовремя делал. Как всегда, все сроки просирал. И как Паша только с ним связался? Надо было самому все делать.

Ну нет же, одному стремно что-то начинать было. А тут нашел знакомого, подумал: с ним полегче будет. Да на самом деле так и было, наверное. Вряд ли бы он смог в двадцать два года что-то сделать сам. А тут была какая-никакая поддержка, да и ответственность нес не только за себя, а еще за кого-то, за чужие деньги. Поэтому спуску себе не давал, в отличие от Юры.

С партнером открывать бизнес была хорошая идея на том этапе, с которого они начинали. Просто выбор партнера под-

вел.

Юрка же не просто так все это делал, а с одной гнусной целью, которую Паша знал наизусть.

Паша вернулся в квартиру, плюхнулся на диван, достал ноутбук, включил телевизор. Просто для фона, чтобы что-то шло, а то одному в тишине не очень. Хотел поработать, но мысли о работе в голову не шли, только о Глебе.

За окном что-то громыкнуло. Похоже, гроза. Отложил телефон, потянулся и подошел к балкону, чтобы прикрыть дверь, но остановился, посмотрел на улицу и вышел.

Серое небо наливалось тяжестью. Тучи плыли низко, почти задевая крыши соседних домов. Паша посмотрел на них, вдохнул свежий воздух. Внутри что-то тревожно переворачивалось, но становилось чуть легче.

Свежий воздух резко перебил неприятный, горький, табачный. Он сморщил нос и повернулся.

На соседнем незастекленном балконе, облокотившись на перила, стояла девушка. Легкое платье облепило ее фигуру, волосы растрепал ветер. Она не курила, просто держала сигарету в руке, дым тянулся вверх и растворялся в сером воздухе. Девушка смотрела куда-то вперед, сквозь тучи, сквозь дома, сквозь сам вечер. Казалось, ее мысли были далеко отсюда, может, даже не в этом городе.

Паша замер на секунду, разглядывая ее профиль: спокойный, почти отрешенный.

Их взгляды встретились. Девушка чуть кивнула, угол-

ки губ дрогнули в легкой, почти незаметной улыбке. Паша неловко улыбнулся в ответ, постучал пальцами по перилам и поспешил скрыться в квартире.

Заказал себе доставку. Открыл приложение, чтобы купить билет в Якутию. Он на самолетах-то не так часто летал. Так, до поставщиков, да обратно. Но все равно надо дождаться Агафонова.

Блин.

Эта скотина, поди, нарочно тянет. Да ладно, вряд ли это так. Паша, наверное, его переоценивал. Не тянет он, а просто ленится или не хочет. Хотя, там возможны разные варианты.

Юра не то чтобы человек, которого так просто раскусить. По крайней мере, Паша раньше так считал. А сейчас: вообще все, что он раньше о нем знал или думал, подвергалось большим сомнениям.

Посмотрел еще раз: адрес электронной почты библиотеки, поселок Депутатский, Республика Саха, Якутия, микрорайон Северный, дом 6. Открыл карту — это прямо возле восьмого дома.

Интересно.

Очень интересно.

Но ни хрена, честно сказать, непонятно.

Телефон у библиотеки указан не был. И телефона Глеба он не знал. Хотя, наверное, у Глеба уже должен появиться постоянный номер.

Паша все терзался и думал об этом, думал, и в конце кон-

цов немного задремал. Неудивительно, он поспал за эти сутки всего ничего, да и стресса было будь здоров.

Проснулся, почувствовав вибрацию на мобильнике. Подумал, что это из приложения домофона, наверное доставка приехала. Глянул в телефон: сообщение в мессенджере от Агафонова:

«27 есть окно. Юриста какого-нибудь возьми, договор переподпишем. Встретимся в моем офисе».

И адрес.

Паша знал, что тот уже снял себе новый офис. Усмехнулся. Смысл снимать офис, если он будет работать один? Мог бы и дома пока посидеть. Ну если хочет лишние траты, то пожалуйста.

Двадцать седьмое? Ничего себе. Вот это удача.

Можно смотаться: сесть на самолет, где-то восемнадцатого к вечеру будет в Депутатском, двадцать пятого вылетит оттуда и к двадцать седьмому успеет вернуться. Даже поспать нормально время останется.

Паша почесал затылок. На телефон бахнулось еще одно оповещение из сервиса доставки:

«Курьер будет у вас через пятнадцать минут».

Прекрасно.

Глава 2

14 сентября 2024; нпт. Терховецк

Потертые, сбитые костяшки наносили удар за ударом: в скулу, в переносицу. Кровь брызгала во все стороны, пачкая одежду, руки, лицо Матвея.

Кулак парня заносился снова и снова. В ушах отдавался до боли знакомый хруст. Соперник уже не сопротивлялся, не всхлипывал. Только откашливался, захлебываясь собственной кровью.

Одной рукой Матвей удерживал его за ворот красной куртки, а второй раз за разом проносился по физиономии, пока заносившуюся для очередного удара руку кто-то не подхватил под локоть.

— Мотя, хватит, пора сваливать! — слышалось сзади.

Матвей попытался врезать еще раз, но его удерживали две крепкие руки. Отдернул плечо, поднялся с колена, стер чистой ладонью капли крови с лица. Посмотрел на валявшегося на земле парня.

Сам виноват.

Где-то поодаль слышались мигалки. Матвей быстро обернулся в одну сторону, затем в другую, пытаясь понять, откуда исходит звук. Странно, людей вокруг не было. Да даже если бы и были, в его районе никто бы не стал вызывать

на него полицию.

Матвей вместе со своими пацанами быстрыми шагами двинулся прочь, оставляя парня в красной куртке валяться на земле. Зашли за угол, свернули через гаражи — и вот уже были неподалеку от собственных домов.

— Хорошо ты его, — вдруг раздался голос Вадика. Тот ухмыльнулся, остановился, уперевшись в стену здания. Матвей тоже остановился, за ним остальные.

Муха достал из рюкзака полторашку воды и, открутив крышку, кивнул Матвею:

— Моть, давай, пока никто не увидел.

Слегка нахмуренный, Матвей стянул шапку, сунул в карман своей синтепоновой куртки и выставил руки вперед. Муха начал поливать их водой, позволяя умыться. Неприятный, холодный ветер дул на мокрые пальцы, обветривал влажную кожу, пробираясь мурашками вдоль позвоночника.

— Ну ты вообще зверь, — послышался голос Жендоса.

И чего они так радовались? У Матвея все было закономерно: накосячил — получил в табло. А этот парень правда накосячил.

— Ну что, у нас еще полчаса осталось, — разминался Жендос на месте, подтягивая руки.

Матвей медленно поднялся. Выпрямился, будто ничего не случилось, сплюнул и кивком указал на говорящего:

— Полчаса до чего?

Пацан суетливо обернулся в одну сторону, затем в другую,

аккуратно заглянул за угол.

— Как «до чего»? Терминал сносить. Забыл уже?

Матвей посмотрел на Вадика, затем на закрывающего бутылку Муху и ответил:

— Нет, мы не пойдем.

Все трое замолчали, подняли головы. Вадик похлопал знакомого по ключице:

— Как не пойдем? Мы же договаривались.

— Я ни о чем не договаривался, — Матвей засунул руки в карманы и правой ногой отступил назад.

— Не, ну ты серьезно? Вечером смена у тетки, она старая, ничего не поймет. Вытащим — и все. Там тысяч шестьдесят, может, семьдесят к концу дня набирается.

Матвей нахмурился, выставил лицо вперед, сгорбился.

— Я сказал: мы никуда не пойдем.

— Моть, ты бы это — Жендос попытался похлопать Матвея по плечу, но тот резко отдернулся. — Остыл.

— Я сказал: нет! Я на такое не подписывался, Муха тоже, да Мух? — он перевел взгляд на приятеля, но тот лишь стыдливо опустил глаза.

— Не ожидал от тебя, — вдруг выдал Вадик.

— А я от тебя не ожидал! — резко выплюнул Матвей: — Вы что творите-то, вообще? Вам это нахрена?

— Ты сейчас что сделал? — Вадик шагнул вперед, расправил плечи, втянул голову в шею, набычился, выпятив нижнюю губу. — Тебе кто-нибудь хоть слово сказал?! А?! Нет!

— Он ткнул пальцем в сторону Матвея, грудью подаваясь вперед. — Или что, думаешь, можно нас так просто кинуть?!

— Я никого не кидаю! Никто никуда не пойдет.

— Что? Зассал, да?

Матвей выставил предплечье вперед, резким рывком оттолкнул напирającego на него Вадика.

— Слышь, ты че?

— Я че?

Муха первым вскочил между ними, отводя Вадика подальше. Жендос встал перед Матвеем:

— Моть, ну нахрена так делать, а? — он удерживал потуги друга, пытавшегося снова броситься на оппонента. — Я не понимаю. Ты сказал, что тебе деньги нужны. Мы нашли деньги, а ты заднюю даешь. Ну в чем дело?

Взгляд у Матвея наконец оторвался от Вадика и переключился на стоящего вплотную Жендоса.

— Не таким же способом.

— Да ладно, Моть. Не хочешь — не надо, — Жендос выставил руки, протянул их к лицу, притягивая к себе. — Мы же как лучше хотели.

Матвей тут же отпрянул, не позволяя дотронуться до себя.

— Это нихрена не лучше. Понял?

Жендос выставил руки ладонями вперед, успокаивая:

— Спокойно. Ну не хочешь — не иди с нами.

— Я не хочу, чтобы вы вообще туда шли.

— А что? — снова из-за спины послышался лай Вадика.

— Вот так он нас и кинет. А потом раз — и менты к тебе домой заявятся. Разве нет?

— Ты что несешь такое?! — Матвей снова попытался сделать шаг вперед, но Жендос тут же схватил его за куртку, останавливая.

— Моть, пошли с нами.

Матвей замер. Стоял, тяжело дыша, готовый взорваться. Тишина повисла в воздухе.

И тут неожиданно раздался робкий, неуверенный голос из-за угла.

— Извините Не подскажите, как дойти до Где здесь «Кристалл»?

Матвей резко развернулся. Угрюмое, опасное выражение лица в секунду сменила почти дружелюбная улыбка. Оглядел худого, зажатого парнишку, боязливо озирающегося по сторонам.

— Ой, брат, это ты вообще не в ту сторону зашел. — Обернулся на пацанов, затем снова на парня. — Тебе смотри Тебе надо Ты, походу, на пятьдесят пятом ехал, да?

— Да, да, — суетливо отвечал парнишка. Голос его слегка дрожал.

— Там, короче, две остановки: одна в одну сторону идет, другая в другую.

Ты, скорее всего, сел на вторую и уехал вообще в другую сторону. Тебе, короче, надо сейчас вернуться и сесть обратно, то есть поехать вообще в другую сторону. А то ты считай

там минут двадцать добираться отсюда. А знаешь, где остановка?

Парнишка растерялся, посмотрел на Матвея, затем на пацанов за его спиной.

— Короче, мне тоже туда надо. Давай — запнулся. — Давай со мной пойдешь.

Парень растерянно усмехнулся:

— Ага да

Матвей уже сделал шаг в его сторону, как на плече снова оказалась рука Мухи.

— Эй, Мотя, ты куда?

— Мне правда надо. До «Кристалла» как раз собирался. — Матвей слегка повернул голову в сторону, не оглядываясь полностью, чтобы не видеть их лиц.

— Да ты задолбал уже, — снова послышался крик Вадика. — Ты так просто уйдешь?

— Мне правда пора.

— Че, правильный что ли дохрена? — Вадик шагнул вперед, будто хотел перегородить дорогу.

Матвей медленно повернулся, подошел к нему вплотную, встал нос к носу. Взгляд дерзкий, опасный, не моргающий. Вадик задышал чаще, сглотнул, заерзал, потупил взгляд и, не выдержав напора, чуть опустил глаза, самую малость, но этого хватило.

— Я сказал: у меня дела. И вам тоже лучше расходиться. Да, Мух?

Муха, наблюдавший за всем происходящим со стороны, сглотнул и робко ответил:

— Да.

Матвей вернулся к парнишке и, приобняв того за плечо, постарался свалить оттуда как можно скорее.

Пацаны переглянулись, но остались стоять на месте. Никто ничего не сказал. Тем временем Матвей со своим новым знакомым дошел до остановки. Шел быстро, но без спешки. Достал сигарету, закурил на ходу, выпустил дым вверх.

— Я что-то тебя первый раз тут вижу, — сказал он, покосившись на нового знакомого, — А ты откуда?

— А, я к бабушке приехал, — ответил он, слегка запыхавшись. — Тут, на самом деле недалеко. Я подумал, на автобусе быстрее будет и совсем заблудился.

— А ты с нашего района?

— Да, с Алтайской. Тут недалеко.

— А в каком доме?

— В десятом. — Парень был робким, говорил быстро, как-то зашуганно.

— А, ну понял, понял. — Матвей кивнул, выпустил еще один клуб дыма. — Тебя как зовут-то?

— Коля.

— Меня Матвей. — Он протянул руку для пожатия, по-своему, с хлопком, перехватом, коротко и крепко. Коля чуть растерялся, но повторил движение.

— А ты что в ТЦ-шку-то? Зачем?

— Да я не в ТЦ-шку. У меня знакомый там рядом малярку открыл. Давно не виделись, вот приехал в поселок, думал пообщаться. Но он на работе все время И договорились как-то, что я зайду сегодня.

— Игоряша, что ли? — воодушевленно переспросил Матвей.

— Да, — усмехнулся Коля. — А ты что, тоже его знаешь? Матвей суетливо озирался по сторонам, но выглядел довольным и расслабленным.

— Да, я всех тут знаю, — самодовольно заявил он. — Вон, ты как раз его брата старшенького встретил, со мной там стоял. Коля удивился:

— А я что-то даже не знал про брата.

— Да и забей, — Матвей отмахнулся, поморщился, а затем снова поднес сигарету к губам и вдруг замер.

Развернулся, рукой почесал затылок, посмотрел куда-то за Колю. Коля прищурился, посмотрел в ответ.

— Эй, малая! — вдруг громко вскрикнул Матвей, от чего паренек вздрогнул, поежился.

Он повернул голову за спину. Позади маленькая девчонка, лет восьми-девяти — не больше, тащила два здоровых белых пакета. В отличие от самого Коли, она выглядела довольной, милой и лучезарно улыбалась Матвею.

— Ты что тут делаешь?

— О, Матюшка! — радостно вскрикнула она. — Я в магазин ходила! Мне мама денег дала, а у тети Снежи нет ни-

чегошеньки. Вот я и

— Понятно, понятно, — улыбаясь, перебил ее Матвей. — Пакеты-то тяжелые?

Девчонка посмотрела вверх, надула губы, кивнула:

— Угу.

— Ладно, — Матвей перехватил пакеты и кивнул Коле. — Колька, ты это не сильно торопишься? Дойдем, тут буквально два дома. Поможем.

Коля выглядел зашуганным, слегка беспокойным, но Матвей в целом был ему симпатичен. Кольку поражало, что девчушка всю дорогу скакала вокруг Матвея, нежно улыбалась ему. В голове у него случился некий диссонанс. Матвей видел это — такое часто бывает с малознакомыми людьми: они то пугаются его, то сторонятся. Но в целом ни с одним из них в общении у него не возникало сложностей.

До дома дошли быстро. Девчушка открыла дверь и впустила их обоих. Матвей занес пакеты в прихожую, поздоровался с ее мамой, которая всячески зазывала его хотя бы на чай. Он отказался, сказал, что торопится.

— Слышь, малая, — сказал он уже на выходе. — Ты больше одна не ходи, поняла? Если что — надо брата гоняй.

Девчонка хотела что-то возразить, но он легонько потрепал ее по волосам, подмигнул напоследок и вышел, хлопнув за собой дверь.

На выходе из дома Матвей снова закурил. Шел суетно, быстро, поглядывал по сторонам, иногда покусывал фильтр,

иногда шурился.

— Ты, кстати, из какого города? — спросил он, почесав нос.

— Из Уфы, — ответил Коля.

— О, далеко.

— Ага. Только бабушка тут, вот приехал повидать.

— Дело хорошее, — сказал Матвей и кивнул куда-то вперед, где шла толпа парней.

Матвей здоровался почти с каждым проходящим. Всех был рад видеть, и все были рады видеть его. Они громко улыбались, на ходу отбивали друг другу пять, жали руки, переговаривались: «Здорово», «как сам?» — и все это не останавливаясь, просто с ходу.

В автобусе ситуация повторилась. А когда зашла бабушка, Матвей подскочил к ней, помог подняться по ступенькам и толкнул Кольку в бок, чтобы тот уступил место. Коля не то чтобы не хотел, просто как-то не подумал. В отличие от Матвея.

Доехали они быстро. Вышли у «Кристалла», прошли мимо детской площадки, зашли за гаражи — там стояло небольшое помещение без вывесок.

Здание было новым, Игоряша снял его не так давно. Раньше он работал у них на районе, но то ли проблемы у него были, то ли с арендой не справился. В общем, Вадик что-то говорил, но Матвей не уточнял. Не его это дело.

Матвей толкнул тяжелую железную дверь, та поддалась с

протяжным скрипом. В нос ударил едкий запах краски и сырости. Они прошли внутрь, лавируя между картонными коробками и жестяными банками.

Мастерская представляла собой небольшое складское помещение, разделенное на две части. Слева в углу был подъем на второй этаж, где Игоряша мог отдохнуть или поспать, зачастую он здесь фактически ночевал. Справа была покрасочная, где стояла машина. Там было много подсветки, и это единственное помещение, где был сделан ремонт.

Игоряша стоял у проема передней двери машины и что-то там рассматривал. Услышав хлопок двери, поднял голову, расплылся в улыбке:

— О, Матюшка! Здорово!

Матвей хорошо знал Игоряшу. Тот был лет на шесть младше его, брат Вадика, но довольно приятный парнишка. Никогда не ввязывался в неприятности и в целом старался хоть чего-то добиться. Малярку открыл года четыре назад, наверное, а до этого работал то там, то здесь, без выходных, деньги откладывал. Ну, красавчик — одним словом. Ничего другого Матвей о нем сказать не мог.

Они крепко пожали друг другу руки, а затем Игоряша поздоровался с Колькой:

— Ну что, Колюньчик? Как ты? Как делишки?

— Да потихоньку, — ответил тот.

Матвей еще не успел заскочить сюда после Игоряшиного переезда. И пока парни обменивались новостями, осматри-

вался.

На стеллажах вдоль стен громоздились банки с краской, инструменты, пульверизаторы, разобранные детали машин. Какие-то детали, уже окрашенные в серебристый цвет, лежали на стеллажах.

Затем он засмотрелся на окрашенный «Крузак», с которым до их прихода явно активно возился маляр. Матвей пытался припомнить: он вроде вообще таких машин в Терховете не видел. Ни здешних, ни приезжих.

— Матюшка, я, кстати, заказал себе упоры капота, — сказал Игоряша, распрямляясь.

Он вытащил из кармана пачку сигарет, достал, закурил, протянул Матвею. Матвей отказался, достал свои. Колька единственный из них не курил.

— По тысяча шестьсот каждый, — продолжил Игоряша. — Жалко, оригинальные нигде, блин, не найдешь. Джаковские. А то я еще крышку клапанки на тэтэшнй джей заказал — которой не было. Я вообще тут одну интересную тему нашел. Короче, типа этого лака — он запнулся, почесал затылок. — Порошковой этой херни, которая мешается с гриндером, и получают такие крутые цвета. В общем, есть такая крутая добавка. Я охерел, какой красивый перламутр. Можно будет просто белым хернуть.

— Белый перламутр? Серьезно? — переспросил Матвей.

— Да, это чисто тойота. Не маг, не пятьдесят седьмой. Это трехслойка, понимаешь? Ты просто хреначишь, взвешива-

ешь белый — и вот тебе перламутр.

— Но тебе все равно придется сначала белым фигачить, а потом прозрачным перламутром. — Матвей активно жестикулировал, взмахивая руками, даже с неким напором.

Игоряша смотрел то на одного, то на второго, пытаясь понять, о чем вообще речь.

— Да нет, там одна трехслойка будет, понимаешь? — Игоряша подозвал Матвея к машине. — Пошли, покажу.

Колька просто смотрел, как они что-то обсуждают, но не понимал ни слова. Матвей покусывал губу, щурился, что-то внимательно разглядывая. Игоряша показывал пальцем то ли на краску, то ли на салон — для Коли все это было каким-то дремучим лесом.

— Ну, я же не маляр, — хмыкнул Матвей.

— Ну и что?

Оба рассмеялись.

— Может, кофе заварим? — предложил Матвей.

Они поднялись по лестнице наверх. Кольке кто-то позвонил, и он задержался внизу чуть дольше остальных.

В каморке стоял небольшой диванчик, электрический чайник на деревянном ящике, накрытый какой-то тряпкой, четыре стакана, упаковка кофе «три в одном» и несколько пачек бички. Больше всего внимание завладели забитые спортивные сумки, сложенные друг на друга в углу.

— Это ты что куда-то собрался?

Игоряша дернул плечами, тыкнул выключатель на чайни-

ке:

— Ну, типа того

— А куда?

— Да не знаю. Может, в Лапоть, может до Уфы доедем.

— Ты что, с Колястиком решил умотать?

— Ну да, — голос Игоряши прозвучал спокойно, будто это было очевидно. — Тебе, знаешь, тоже стоило бы.

Матвей нахмурился, почесал затылок, присел на диван, раскинув колени в разные стороны.

— Слушай, Вадик, конечно, говорил, что ты дома уже несколько недель не появляешься. Но я не думал, что настолько все плохо.

— Да здесь даже не в это дело. Не могу же я всю жизнь здесь сидеть на месте? Да и тебе не стоит. Почему ты не уедешь?

— Знаешь же, что не могу, — отрицательно замотал головой Матвей.

— Не знаю, — Игоряша поставил три стакана возле чайника и начал открывать пакетики с растворимым кофе. — Нет, правда, не знаю. Что тебя держит?

Матвей прикусил губу, нахмурился. Не разозлился, скорее растерялся, не зная как ответить на этот вопрос.

— Ладно, — кивнул Игоряша, явно решая не продолжать эту тему. — Не мое дело.

Стоило последним словам прозвучать, тут же отворилась дверь и за ней появился Коля. Матвей встряхнул головой,

взбодрился, улыбнулся, снова стараясь быть на позитиве:

— Слушайте, может, по пиву?

— Обед же, — усмехнулся Коля.

— А ну да, обед же. — Матвей почесал переносицу, после чего радостно вскрикнул: — Тогда по ноль-пять?

— Только безалкогольное, если, — согласился Игоряша, с хлюпающим звуком потянул свой кофе и расслабленно выдохнул.

— Заметано, малой! — радостно улыбнулся Матвей и с хлопком пожал ему руку.

В мастерской они задержались еще минут на пятнадцать, не больше.

После выхода из помещения с едким запахом краски свежий воздух, хоть и больновато, но приятно ударил в голову. Матвей глубоко вдохнул, зажмурился на секунду. Потянулся назад, завел руки за спину, похрустел, размял лопатки.

Когда Игорь выводил их из проулка и свернул направо, Матвей резко ухватил его за шкуру:

— Не-не-не-не, мы к тете Снежане пойдем.

— К тете Снежане? — переспросил удивленно парень. — Зачем? Здесь пивнуха за углом.

— Там такого пива нет, — Матвей выставил ладонь вперед и ребром второй ладони ударял по первой, в такт каждому слову. — У тети Снежаны лучшее пиво на разлив.

— Мы же за безалкогольным, — вздохнул Игорь, запрокинул голову, закрыл глаза, стряхнул руками.

Колька просто смеялся над этими двумя.

— Я говорю, надо к тете Снежане, — повторил Матвей.

Игорь закатил глаза и последовал за ним, прекрасно зная, что спорить абсолютно бесполезно.

Коля удивился, когда по прошествии двадцати минут они прошли мимо той же остановки, с которой уезжали до «Кристалла». По дороге очень разговорчивый Матвей задавал ему разные вопросы: про жизнь, про бабушку, про Уфу. Искренне убеждал, что лучше, чем у тети Снежаны, пива он в жизни не пробовал. Колька только неловко смеялся в ответ.

Они дошли до небольшого магазинчика, который скорее можно было назвать ларьком. Внутри пахло табаком, свежим хлебом и чем-то еще неуловимо советским. Колька, конечно, не нюхал ничего советского, но ему казалось, что запах там был именно такой.

За прилавком стояла слегка полноватая, усталая женщина, но, завидев Матвея, ее лицо озарила улыбка.

— Теть Снежан! — Матвей широко расставил руки в стороны, будто собирался обнять женщину. — Поставьте нам, пожалуйста, пивасика.

— Безалкогольного! — строгим, шутливым голосом вклинился Игоряша.

— Что, Матюшка, сухой закон сегодня? — усмехнулась женщина.

Матвей замахал руками, выставил нижнюю губу вперед, отвел взгляд вверх, согласился:

— Ну, как видите

— А как у мамы-то дела? — спросила она тихо.

Матвей развел руками.

— Да — замялся он. — Не очень. Потихоньку, помаленьку. Справляемся.

— Привет ей передавай, — сказала женщина. — Пусть выздоравливает поскорее.

— Обязательно передам. А у вас как дела-то?

— Да ужас. Мне этот Ковалев все нервы истрепал, не могу уже. Еще и штраф за него заплатить пришлось, — недовольно цокая, возмущалась женщина. — Всю кровь мне выпил. Всю кровь. А главное, родители у него такие приличные люди были. И как только выросло, скажи мне на милость, такое говно?

— Теть Снежан, не будет он больше вас беспокоить. Сколько там штраф?

Матвей потянулся к заднему карману, доставая несколько купюр. Женщина тут же засуетилась, выставила ладони вперед:

— Нет-нет, ты что? Убери. Не нужны мне твои деньги. С ума сошел, что ли? Себе оставь.

— Да это не мои, — усмехнулся он. — Считайте, это Ковалев свой долг выплатил. У него потом заберу. Не будет он больше к вам лезть, обещаю.

— Матюш, ты только ничего не делай, — с мольбой сказала женщина. — Хорошо?

— Обещаю, что больше ничего с ним не сделаю, — усмехнулся Матвей в ответ.

Тетя Снежана сложила губы в тонкую линию, резко развернулась к нему:

— Ты уже что-то сделал? — фактически прикрикнула она, скорее отчитывая, чем спрашивая.

Матвей ничего не ответил. Опустил глаза вниз, посмотрел на сбитые костяшки и улыбнулся.

— Ну и кто ваш там штрафанул? Этот долбанафт Олег? Стоило этому имени быть произнесенным, как из подсобики, раздвинув шторы, вышел тот самый Олег. Сгорбленный, с усталыми глазами, в засаленном фартуке. Увидев Матвея, остановился, будто налетел на стену:

— Я же тебе говорил сюда не приходите!

Матвей сжал кулаки, разочарованно дернул носом, злобно посмотрел на мужика, медленно качнул головой, забрал бутылку и протянул деньги тете Снежане.

— А с хрена ли это, мне нельзя сюда заходить? — расставил руки в стороны, вздернул плечи так, будто старался казаться шире.

— Нам не нужны проблемы, — Олег говорил жестко, твердо.

Игорь же с прищуром, как-то осуждающе-устало взглянул на Олега, закатил глаза, громко выдохнул, перед тем как сказать:

— Да окей, окей! Пошли мы уже отсюда, пошли.

И направился к выходу, буквально выталкивая Матвея на улицу. Матвей, активно возмущаясь, вышел из магазина:

— И че это ему не нравится?! — громко восклицал он, оглядываясь на дверь. — Проблемы ему не нужны? Я ему вообще хоть раз че-то сделал?!

— Да забей ты, ей богу! Он же неадекват, — ответил Игорь, снова доставая пачку сигарет и протягивая ее другу.

В этот раз Матвей сигарету принял.

— А правда, чего это он так? — удивленно переспросил Коля, на что Игорь тут же отмахнулся от него:

— Да забей, я ж говорю: неадекватный. Просто долбану-тый на всю голову.

Осматриваясь по сторонам, Матвей впервые за весь день достал телефон из кармана куртки. Трубка стояла на беззвучном режиме, он даже про него и не вспоминал. Там было восемь пропущенных от пацанов, но это-то пофиг. Главное, что мама не звонила.

Залез в контакты, набрал чей-то номер, жестом указывая парням помолчать. В трубке послышались длинные гудки, а затем громкое «Алло».

— Ты где? Да, я на месте, давай быстрее. Жду, — говорил громко, суетливо, дерганно и сбросил вызов.

— Кого это ты ждешь? — уточнил Игорь, от неожиданности выпучив глаза и с укором посмотрел на друга.

— Да, не. Там — начал отнекиваться Матвей и, оборвав себя на полуслове, махнул рукой. — Надо короче.

На горизонте показался невысокого роста парень: сгорбленный, подозрительно озирающийся, в серой замшевой куртке. Спешно подошел к их компании.

— Женя? — спросил Матвей, пожимая тому руку. И дождавшись кивка, представился, — Мотя.

Достал из кармана куртки второй телефон и протянул новому знакомому:

— Ну вот, как я и говорил, тэха как новая, перепрошита. Женя покрутил телефон в руках, осмотрел гладкий экран, провел пальцем по царапине на корпусе. Матвей кивнул, затягиваясь сигаретой:

— Ну я ж говорил, что корпус битый, но я за него и скинул так нормально.

Парень только кивал, затем включил его, полазил в настройках. Игорь в это время недовольно смотрел на Матвея так, словно готов был дать тому затрещину, а Колька с любопытством наблюдал за происходящим.

— Ну и сколько? — спросил Женя, протягивая телефон обратно Матвею.

— Двадцать одна.

— Сколько?! — недовольно вскрикнул парень. — Давай хотя б на девятнадцати сойдемся.

— Девятнадцать? — прыснул Матвей. — Не издевайся! Двадцать одна — как договаривались. Ты ниже цену не найдешь. И ты ее прекрасно знал, когда ко мне шел.

— Ну давай хотя бы двадцать, ну?

Матвей недовольно цокнул, перехватывая телефон из руки парня, и тут же сунул его обратно:

— Ну хорошо, двадцать, так двадцать. Ну только потому что мне торговаться влом.

Подозрительный парень достал деньги и передал их Матвею, тот пересчитал и убрал в карман, а затем повернулся к друзьям:

— Ну че, в малярке посидим? — но парень не уходил, словно чего-то ожидая. Матвей кивнул в сторону покупателя и небрежно бросил: — Ну че еще-то?

— А блок, зарядка?

— Какая зарядка? Ты телефон за восемьдесят только что забрал за двадцать. На зарядку уж косарь выделишь, — прикрыл глаза, наклонил голову в бок. — Ну три косаря потрать, купи оригинал там.

Матвей затаился, и Колька отметил, что друг ругался как «базарная бабка». Это не звучало так опасно, как было с утра, а просто недовольно причитал и размахивал руками. В тот момент он не казался агрессивным или злобным, скорее забавным, даже смешным.

И когда этот Женя ушел, Игорь все же дал тому позатыльник, придвинул лицо чуть ближе, и, сощуриив глаза, добавил:

— Так вот зачем мы сюда шли? За самым вкусным пивом?

— Ну да, у меня тоже дела были, — Матвей пожал плечами и самодовольно обратился к Коле: — Но я тебе отвечаю, тут самый вкусный пивас, ты такого в жизни не пробовал!

Снова взглянул на свой телефон: за это время появилось еще два новых пропущенных от Мухи.

Нет. Сейчас с ними разговаривать точно не хотелось. Не, понятное дело, что они еще встретятся, поговорят, помирятся — да вообще без вопросов. Просто, ну, не сегодня.

Сегодня такое настроение хорошее, компания приятная. Сейчас они вернуться в малярку, бахнут по пиву, расслабятся. Может даже Матвей скачает Колюнчику на телефон свою любимую игру и они зарубятся втроем. А вот эти разборки подождут еще денек.

Весь вечер прошел по намеченному плану: спокойно, приятно, весело. Колюнчик на самом деле очень понравился Матвею. Добрый парнишка, приятный, более воспитанный, сдержанный, нежели все его знакомые. На телефон то и дело названивала компашка друзей, Матвей периодически его проверял, но не отвечал.

Он бы вообще его вырубил, если бы не мама. Не хотел он заставлять ее волноваться.

Уходил из малярки он уже ближе к вечеру, на пару с Колюнчиком. Игоряша остался докрашивать машину — а то с ними совсем забил на работу, придется ему теперь ночевать здесь.

Парни, конечно, предложили помощь, но Игорь сказал, что они больше испортят, чем помогут, поэтому просто попросил их свалить, но позвал завтра прийти еще раз.

Матвей проводил Колю до самого дома. У них не лучший

район, так что это был самый безопасный вариант. Да и просто приятно было с ним поговорить. В конце концов, Коля многим интересовался, а Матвей любил, когда его слушают.

Ближе к десяти Матвей появился на пороге дома. На улице уже было темно. Он заметил, что темнеет как-то слишком рано. В прошлом году в это время было еще светло.

Квартирка у них была скромная, тусклая, с обшарпанными стенами.

— Мам? — громко позвал он, стягивая с себя куртку.

И вдруг почувствовал прохладу. Нет, отопление, конечно, еще не включили, но обогреватель дома-то есть. Из зала слышался приглушенный шум телевизора, свет нигде не горел, да и матушка не отвечала.

— Мам? — еще раз вскрикнул он и, стянув с ног кроссовки, торопливо залетел в комнату.

Мать лежала на старом, потрепанном диванчике в халате, укрытая теплым одеялом. На стене висел здоровенный красный советский ковер с непонятным узором. Матвей много раз предлагал его снять из-за того, что пыль копится, дышать этим. Но мама говорила, что стены промерзают, и ей приятнее спать с этим долбаным красным ковром. Ну что ж, хозяин — барин.

Рядом стояла тумбочка, заставленная лекарствами, и старенький телевизор на табуретке. На подоконнике несколько гераней в горшках. Шторы висели дешевые, давно не стиранные.

Женщина с трудом повернула голову на звук, глаза ее были мутными, уставшими, но в них мелькнуло что-то теплое, когда она заметила сына. Губы чуть дрогнули в слабой улыбке.

— Мам, ты сегодня вообще не вставала? — спросил он, включая свет.

Женщина поморщилась, чуть приподнялась, дотянулась до пульта и уменьшила громкость, прежде чем ответить:

— Нет, Матюш, — жалобно ответила женщина. — Матюш, правда, сил сегодня вообще нет.

— Ну а что не позвонила? Я б пришел, ты же знаешь.

Матвей присел на корточки возле матери, она протянула ладонь к его щеке. Парень закрыл глаза, ощущая тепло ее прикосновения.

— Матюш, ну что я тебя беспокоить буду?

— Ты еще, поди, и не ела? — обеспокоенно спросил он.

— Да как-то не хочется совсем.

— Ну как не хочется? — он качнул головой, тяжело выдохнул, поднялся и вышел на кухню.

Залез в холодильник. Он еще с вечера готовил: и первое, и второе, даже салатик нарезал. Знал, что уйдет на весь день. Правда, планировал провести его по-другому, ну да ладно.

Достал кастрюлю с борщом, налил в тарелку, поставил в микроволновку.

— Мам, ты макароны будешь?

— Нет, Моть, только супчик подогрей. Я сильно не хочу.

— Мам, ну как сильно не хочешь? Надо кушать.

Пока суп разогревался, Матвей поставил стул у дивана, налил чай, начал накладывать еду.

Мама сидела в постели уставшая, замученная. Подняться было выше ее сил, но ничего сделать он с этим не мог. Хотел помочь, очень хотел. Но то, что у нее не будет сил, врачи сказали сразу.

В целом, день ото дня ему даже казалось, что ей становится лучше. Надо бы ее вывезти, прогуляться завтра что ли.

Принес ложку, помог матери присесть. Правда, покорить себя она не дала.

— Матюшка, ну я ж не маленький ребенок. Уж вилку-то как-нибудь держать смогу, — усмехнулась она.

— Да можешь, можешь, конечно. Я же не спорю, — усмехнулся парень.

— Тебе, кстати, тетя Снежана привет передавала. Ну и выздоравливать поскорее.

— О, тетя Снежа. А как у нее дела? С отпуска вышла что ли?

— Да, вышла. С недельку как вышла. На Ковалева все жалуется, что достал ее уже, все дела.

— С неделю?.. — она запнулась, явно пытаясь что-то вспомнить.

Затем озадаченно посмотрела на сына. Аккуратно кивнула. В груди у Матвея что-то неприятно закопошилось от этого растерянного взгляда. Зря он про неделю сказал.

Матвей виновато усмехнулся, поправил женщине волосы, чтобы те не лезли в тарелку.

— А что он сделал-то тетя Снеже? — после небольшой паузы уточнила она.

— Да опять, — начав говорить, он сразу замолк и, отмахнувшись, поправил себя: — Да не вникай.

Не хотелось ее волновать. Она ж такая сердобольная, все близко к сердцу воспринимает, обо всех переживает.

— Что еще говорила?

— Да в основном жаловалась, что родители такие хорошие были, а выросло то ну, типичная тетя Снежа, знаешь же.

— О, знаю, — нежно выдохнула мама.

Чуть улыбнулась, наклонила голову вбок, посмотрела на сына, протянула снова ладонь к нему и потрепала по щеке.

— Зато ты у меня такой хороший. Матюшка хороший, — сказала она еле слышно.

— Знаю, — усмехнулся он. — Ты давай, не филонь, кушай.

Они просидели вместе недолго. Посмотрели телевизор, особо ничего не обсуждая. Когда женщина поела, Матвей уложил ее в кровать, укрыл одеялом, подоткнул его, поцеловал в лоб, выключил свет и на выходе прикрыл деревянную дверь.

Войдя в комнату, он первым делом попытался нащупать пачку сигарет, но, вытащив ее из кармана, оглядел ее и бросил за письменный стол.

Он не так давно включил обогреватель и не хотел, чтобы квартира успела промерзнуть. Да и матери в ее состоянии табаком лучше не дышать, а из комнаты явно будет пахнуть.

Парень уселся за старый шумящий компьютер. Включил, дождался загрузки.

На странице браузера было сохранено пару фильмов — в целом он планировал провести этот вечер за ними. Вытянулся, зевнул, откинулся на спинку стула. Как вдруг в закрепленной вкладке мигнул красный значок. Почта.

Этой электронной почтой он почти не пользовался. Только для регистраций, и то редко. Заходил раз в полгода, удалял спам. Но изначально создавал ее даже не для этого, а для своего друга Глеба. У Глеба никогда не было постоянного номера. То ли потому что постоянно катался по разным странам, то ли просто не хотел никому его давать. За последние девять лет они с Матвеем ни разу не созванивались. Изредка переписывались по почте, а виделись еще реже.

Он ткнул курсором мыши на вкладку. Подумал проверить на всякий случай — вдруг реально что-то написал, хотя почти год от него не было никаких вестей, и вряд ли сейчас он объявится.

И вдвойне офигел, когда увидел в теме письма фамилию и имя Глеба. Странно, обычно Глеб писал со своей почты.

Он прижал пальцы ко рту, тепло улыбнулся. Открыл письмо, пробежался глазами по первым строчкам. Улыбка постепенно сползала с его лица.

Сердце застучало быстрее.

Перечитал еще раз, затем еще и еще.

Поднял голову, посмотрел на свои руки — те слегка потряхивались. Затем снова на письмо.

Что за бред? Глеб же не думает, что он поедет какой-то Депутатский? Депутатский — это вообще где? Он переключил вкладку в браузере, чтобы посмотреть, куда в очередной раз занесло друга.

Послышался какой-то треск.

Матвей не сразу понял, что это за звук. Уши его заложило, и казалось, будто он находится в вакууме. А потом резко, как по щелчку пальцев, стало громче. Домофон.

— Твою ж мать, — выдохнул Матвей и вылетел в прихожую.

Глянул на мамину комнату: дверь закрыта, вроде молчит, не проснулась. Схватил трубку.

— Кто? — спросил резко и сам не ожидал, что голос прозвучит так раздраженно и суетливо.

— Откройте, полиция, — раздалось из динамика. — Нам нужно найти Румянцева Матвея Семеновича. Здесь проживает?

И в одну секунду в его голове все сложилось: полиция, вместе с утренним разговором и кучей пропущенных от пацанов.

Ну конечно, дебилы.

— Нет таких, — бросил Матвей и повесил трубку.

Сердце теперь заколотилось где-то в горле. Домофон зазвонил еще раз. Он оглянулся на комнату матери, взял трубку и щелкнул выключателем, отключая возможность до них дозвониться. И тут же у соседей по тамбуру раздался тот же самый звук.

Матвей натянул кроссовки, даже шнурки завязать не успел как следует.

— Матюш, — раздался голос из маминой комнаты, тихий, испуганный. — Кто там?

Он кинулся к матери. Та растерянно сидела на кровати, слегка жмурилась, массируя пальцами виски.

— Матюш, кто там так поздно?

— Все нормально, — он подошел ближе, опустился перед ней на колени и сжал ее руку. — Все хорошо. Только мне уехать надо ненадолго.

Она приподнялась, глянула на него исподлобья:

— Ты что-то натворил?

— Нет, мам. Честно. Ничего не натворил.

— А кто пришел?

— Никто.

Он отпустил ее руку, глянул на окно. Решетки. На их первом этаже все еще висели решетки. Матвей думал, что отложит немного денег, подзаработает и поменяет окна. Но потом нужно было оплачивать мамины лекарства, потом лечение, счет за коммуналку. В общем, не до окон было.

Из подъезда слышались громкие, колотящие удары.

Кто-то долбился в дверь тамбура. Громко и настойчиво. Ну понятно, кто.

Матвей наклонился к маме, поймал ее взгляд, посмотрел в глаза:

— Мам, я уйду ненадолго. Я честно ни в чем не виноват. Ты же веришь мне?

Она смотрела на него недолго, но так будто видела впервые. Потом медленно кивнула.

— Верю.

Он поцеловал ее в щеку, уткнулся лбом в ее плечо. Она аккуратно обняла сына, нежно погладила по голове.

Снова послышался этот громкий, колотящий удар.

— Я вернусь. Обещаю, — сказал он на прощание.

Вышел в тамбур. За дверью шумели голоса, шаги, кто-то ругался с соседями. И тут Матвея вдруг осенило. Он поскребся в соседнюю дверь.

Через несколько минут из квартиры напротив выглянула сонная соседка в халате.

— Теть Марин, — шепотом позвал он. — Вы же недавно окна меняли?

— Ага, — растерянно ответила она, не понимая, что происходит.

Он заскочил к ней в квартиру, не разуваясь, прошел в комнату, открыл окно. Женщина медленно прикрыла дверь, чтобы никто не услышал.

— Теть Марин, присмотрите за мамой, ладно? — Он залез

в задний карман, достал деньги и протянул соседке: — Там если еды, лекарства надо, возьмите.

— Матюш, конечно — женщина накрыла его руку своей ладонью, сжимая так, что его пальцы сжали купюры, и чуть отодвинула обратно, не принимая деньги. — Все хорошо. Я посмотрю за ней. Ты только аккуратней будь.

Матвей благодарно кивнул. Прикрыл глаза на секунду, влага выступила на ресницах. Он быстро проморгался, сглотнул и ринулся к открытому окну. Перекинул одну ногу через подоконник и повернулся:

— Там полиция, побудете с мамой? — женщина кротко кивнула. — И да, я надеюсь, — он говорил растерянно, виновато. Не угрожал, не требовал, просто просил как-то слишком жалобно, — вы ж это, не видели, если что?

— Матюш, конечно. Давай быстрее, — шепотом сказала она.

Он перекинул вторую ногу, спрыгнул вниз, приземлился на корточки, выпрямился. Окно за ним закрылось. Холодный ветер ударил в лицо. Матвей повернулся и напоследок посмотрел сквозь стекло, как тетя Марина медленно удалялась в сторону двери.

Он бежал быстро, через закоулки, пересек пару улиц и скрылся за гаражами, после чего остановился, чтобы перевести дыхание. Достал телефон, нашел номер Игоряши и нажал вызов.

— Але? — тот поднял трубку почти сразу.

— Вы когда уезжаете? — спросил Матвей, суетливо озираясь по сторонам.

— Не знаю, — Игоряша звучал сонно, запинаясь, будто вообще не понимал, что происходит. — Может, дня через три, может, чуть позже.

— Ага, — Матвей дышал рвано. — Меня до аэропорта докинете.

В трубке повисла длинная пауза. Игоряша слышал его тяжелое дыхание и обеспокоенно спросил:

— Эм Конечно. Ты в порядке? У тебя все хорошо?

— Да-да-да. Я у тебя в малярке перекантуюсь пару дней. Можно?

— Приходи, — ответил Игоряша. — Без проблем.

Глава 3

14 сентября 2024; п. Ладовский

Несмотря на промозглую сырость, пробирающуюся через открытое окно, утро было солнечным. Вообще непривычным ни для столь раннего часа, ни для прогноза погоды, который предсказывал дожди на ближайшую неделю.

Затхлый запах, смешивающийся с пылью, повис в воздухе маленькой темной комнатухи.

На краю старой кровати с металлической пружинной сеткой, прислонив сжатými пальцами четки ко лбу сидел Данил.

— *Боже, милостив буди мне грешному* — затаившись шептал он, затем отсчитав одну бусину на четках, не прерываясь, продолжил: — *Господи и Владыка жизни моей. Не дай мне духа праздности, уныния, властолюбия и празднословия. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне, рабу Твоему.* — молитва читалась на одном дыхании, голос звучал спокойно, даже умиротворенно. — *Да, Господи Царь. Дай мне видеть мои собственные прегрешения и не осуждать брата моего. Ибо Ты благословен во веки веков. Аминь.*

Глубоко выдохнув, парень еще раз взглянул на окно, убрал четки в карман брюк и, поднявшись с постели, наме-

ревался тихо выйти из комнаты. Однако с глухим ударом за-
пнулся о сумку собственных вещей, которые еще не разо-
брал с момента недавнего возвращения.

Он не был уверен, надолго ли вернулся сюда. Настоятель
имел полное право выставить его за порог, Данил бы и слово
ему не сказал.

Крепко сжав руки в кулаки, чтобы не издать звука, мед-
ленно выдохнул и, замерев, прислушался — вроде не разбу-
дил.

И так сон не шел и мысли не на месте. Не хватало еще и
неловкой встречи спозаранку.

Правда, план остаться незамеченным не удался: на веран-
де его застал врасплох Отец Кирилл, уже сидевший за тра-
пезным столом.

— Доброго утра, — спокойным, теплым тоном произнес
он.

— Доброго — Данил сглотнул, руки сами разошлись по
швам, глаза потупились в пол.

— В храм уже собрался?

— Да, все верно. — Данил остался стоять, не смея поднять
взгляд на собеседника

— Это хорошо, что в храм. — Отец Кирилл сидел, сложив
руки на столе, и спокойно смотрел на Даню. — Ну что ты
стоишь? Ну что ты замер? Иди в храм. Ключи же у тебя есть.

Данил кротко кивнул и быстрым шагом вылетел из дома.
Приземлившись на крыльце, наспех зашнуровывая коричне-

вые ботинки.

На шее что-то кольнуло, а затем зачесалось. Данил хлопнул ладонью по шее, на пальцах вместе с размазанной каплей крови остался раздавленный комар. Парень мельком оглянул Отца Кирилла и быстро отряхнув руки, направился к храму.

Утренняя роса еще не успела осесть, в воздухе пахло свежестью. Вокруг звучало негромкое птичье щебетание.

Хоть храм стоял в десяти метрах, идти до него предстояло по не просохшей после недельных дождей проселочной дороге. Парень передвигался вдоль заборов, боясь занести в священное место грязь со своей подошвы.

Храм все такой же потертый, стоит пройтись по стенам очередным слоем краски, после завершения утренней службы. У входа образовалась здоровенная лужа, которую пришлось перепрыгивать.

Поднявшись по крыльцу, он вдруг застыл. По коже пробежали мурашки, заставляя волосы на руках подняться дыбом. Дыхание вибрацией отдавалось в горле. Он вставил ключ в навесной замок, тот вошел с хрустом. Ржавая дужка нехотя поддалась. Снял замок, толкнул тяжелую дверь. Она отворилась с привычным скрипом, который Данил не слышал больше трех недель.

Перекрестился, беззвучно шевеля губами, поклонился. Еще раз и еще. Трижды повторил ту же молитву, что шептал в комнате:

— *Боже, милостив буди мне грешному.*

Стоило переступить порог, как внутри возникло это непередаваемое, трепетное чувство. Даже витавший повсюду запах дерева и старого ладона здесь казался чище свежего утреннего воздуха.

Данил перекрестился на алтарь, поклонился.

Подзадержавшись у входа всего пару секунд, он быстрым, слегка торопливым, но уверенным шагом прошел к аналою в центре храма, где на отдельной подставке стояла Семистрельная икона Богоматери. Склонил лоб к стеклу, которым была закрыта икона, прижался, затем поцеловал и принялся за привычные дела.

Первым делом он подготовил облачение для священника. Разложил на спинке стула поручи, епитрахиль, все проверил, поправил, чтобы висело ровно. Потом прошел в алтарь, взял тряпку и протер пыль на престоле и жертвеннике, на подставках, где стояли лампы. Старался без лишнего шума, чтобы не нарушить тишину.

Проверил лампы. Где-то масло нужно было долить, где-то поправить фитили, чтобы не коптели и не создавали неприятного запаха, который мог бы отвлекать от служения. Бутылка с маслом, как всегда, стояла в углу.

Потом взял кадило, высыпал старую золу, протер его сухой тряпкой изнутри и снаружи, почистил цепочки от нагара.

Поставил на жертвенник пять больших просфор и бутылку с вином, все как положено, накрыл чистым платом, поправил, чтобы не морщился.

Заметил на самом краю жертвенника маленькую, торчащую из плата ниточку. Сходил за маленькими ножницами и аккуратно срезал. Потом еще раз прошелся взглядом по углам, чтобы проверить: нет ли еще где беспорядка.

И направился разжигать уголь на электрической плитке. Ладан он положил с краю, чтобы Отец Кирилл сам решил, когда кадить. Не его это дело, не его чин. Присел на корточки и ждал, пока уголек разгорится:

В этот момент за спиной раздались шаги.

— Еще не переоделся? — голос отца Кирилла слышался из-за спины.

Данил вздрогнул, обернулся и подскочил на ноги. Настоятель стоял в дверях, уже облаченный в подрясник, и смотрел на него поверх очков.

— Я — начал Данил и запнулся. — Не был уверен, можно ли мне, Отец Кирилл. — голос звучал смиренно, но торопливо.

— Можно ли? — Отец Кирилл усмехнулся, проходя в алтарь и поправляя на престоле Евангелие. — Люди начнут задавать вопросы, если ты будешь в рубашке. Что за алтарник без стихаря?

— Но, я ведь

— Я дал тебе свое благословение, — начал говорить Отец Кирилл, когда понял, что послушник не продолжит. Голос стал чуть тверже, но не строже. — Значит, будешь как положено.

Данил молчал, не смея поднять глаз на настоятеля.

— Или ты больше не хочешь надевать стихарь? — спросил Отец Кирилл.

— Нет, Отец Кирилл, — тихо ответил Данил.

— Тогда надень облачение.

— Да, Отец Кирилл.

Данил едва заметно кивнул, присел на корточки, выключил плитку, поместил угли в кадило вышел из алтаря.

Парчовая ткань стихаря на коже ощущалась приятной прохладой, словно легкое прикосновение шелка или ситца в жаркий летний день. Данил распрямил спину, поправил слегка растрепавшиеся волосы, взглянул на маленькое зеркало, наклеенное за столом. Прическа вроде в порядке. Он хотел лишь на секунду увидеть, достаточно ли опрятно выглядит, но задержал взгляд. Под правым глазом, прямо под веком, появилась новая коричневая точка. Странно. Давно у него эта родинка? Может, он раньше ее просто не замечал.

Услышав звонкий стук каблуков из-за двери резко отдернулся, выровнился. Сложил руки в замок за спиной, ожидая настоятеля.

Литургия шла своим чередом. Поселок у них был небольшим, да и людей в церковь ходило крайне мало, но те, что приходили почти не пропускали ни единой службы.

Данил стоял в алтаре, подавал кадило, свечи, помогал Отцу Кириллу выходить с крестом. Он знал каждое слово, каждый жест. И все это время знал, что к Чаше не пойдет.

Когда Отец Кирилл вынес Святые Дары, Данил опустил глаза и остался у стены. Не подошел. Не разжал губ. Миряне потянулись друг за другом, кто-то истово крестился, кто-то шептал молитвы. Данил же стоял, сложив руки на груди, и ждал.

Когда все кончилось, Отец Кирилл скрылся в алтаре, Данил вышел из своего угла и принялся за уборку. Собрал огарки свечей, протер подсвечники, убрал платы, помыл полы.

В тишине опустевшего храма он чувствовал себя легче, почти свободно.

На выходе заметил, что трава за время его отсутствия заметно подросла. Оно и понятно, у Отца Кирилла не так много свободного времени. Надо бы постричь газон, пока не настало время трапезы.

Вернувшись к дому, парень зашел в сарай и достал оттуда ручную газонокосилку. Затем оглядел себя: рубашка и брюки — не самая подходящая одежда для стрижки газона. Надо бы зайти переодеться, вот только

Только стыдно было смотреть Отцу Кириллу в глаза. Он понимал, что ему надо получить послушание и, как минимум, благословения. Как и понимал, что рано или поздно после его приезда между ними состоится разговор. Вот только знать и быть готовым — совершенно разные вещи.

Двенадцать лет он прожил здесь, выполнял послушания при храме. Отец Кирилл не выгонит же его на улицу? Да и в не в доме дело было, совсем не в доме.

— Чего делаешь? — послышался неожиданный вопрос из-за стены.

Внутри что-то екнуло, Данил вздрогнул, дернулся и резко обернулся. Отец Кирилл стоял на крыльце пристально рассматривая, то ли косилку, то ли парня. И почему он все утро так неожиданно появляется? Хотя, может это сам Данил слишком погряз в своих мыслях и не замечает ничего вокруг? По разному может быть.

— Хотел траву подровнять.

— Пора есть. — настоятель ответил четко, уверенно. Это не приглашение и не приказ. Просто факт. — Пошли.

Данил молча загнал газонокосилку обратно в сарай, разулся и зашел на веранду.

На столе уже было накрыто: рыба, рис, вареные яйца, хлеб, овощной салат, заправленный сметаной. Помидоры, огурцы и лук, как всегда, были свои, с огорода. Еще с недельку можно будет кормиться их скромным урожаем, а потом придется покупать. Сегодня суббота — не постный день, так что все это им можно. Только вот Данил не был уверен, что хоть кусок в горло полезет.

Остановившись у дверей, парень опустил голову, снова оглянул себя и быстрым шагом удалился в комнату:

— Даня, ты куда?

Хоть голос настоятеля и звучал спокойно и даже как-то тепло, Данил все равно съежился и чуть ли не подскочил на месте.

— Переоденусь, — запнувшись произнес он и постарался как можно скорее удалиться.

— Дань, посмотри проверь почту, там должно было прийти письмо из администрации.

— Хорошо, — отозвался парень уже из-за двери, суетливо меняя рубашку на домашнюю футболку.

Переодевшись, он сел за письменный стол, достал ноутбук и принялся проверять почту: там было пару писем от прихожан, вот и письмо от районной администрации по поводу погоста и, похоже, от Глеба.

В груди разлилось тепло, он радостно улыбнулся, увидев знакомое имя.

Данил вздохнул, грудная клетка расширилась, он почувствовал давление ребер, посмотрел на дверь, услышал звуки кипячения чайника. Надо подняться, негоже заставлять Отца Кирилла ждать. Уже отложил ноутбук и намеревался встать, как вдруг его что-то остановило. Что-то, чему он не мог дать объяснения.

Хотя, возможно, просто любопытство.

Глеб уже почти год не объявлялся, интересно прочитать, что происходит в его жизни. Он прикусил губу, еще раз посмотрел на дверь, потом на экран. Письмо же не длинное. Развернул ноутбук на кровати и кликнул на сообщение.

Но улыбка быстро исчезла с его лица, едва он пробежался глазами по тексту.

Странно. Глеб еще никогда не звал его, не просил прие-

хоть. Нет, он как бы и не просил напрямую, но ведь и так понятно. Правда? Точно, понятно. И главное — в такой неподходящий момент. Нет, он не может сейчас уехать. Не может.

Сердце бешено заколотилось, в горле пересохло, руки затряслись, нога невольно начала стучать по полу.

— Дань, — голос словно окат холодной воды, повис в воздухе, — что там, прислали разрешение?

Данил стушевался, встряхнул головой, кликнул курсором на письмо из районной администрации.

— Да, прислали. — Он пытался говорить ровно, но голос дрогнул и к концу предложения стал совсем низким. Затем он выдохнул и вернувшись обратно в веранду, продолжил уже ровным тоном. — Я схожу к Василию Макаровичу, попрошу распечатать.

Данил выпрямил спину, уселся за стол и старался выглядеть как обычно. Только бегающий взгляд и стучащее сердце никак не хотели успокаиваться. Он то и дело что-то ронял, резко дергался и абсолютно не мог попасть вилкой ни во что.

Если он уедет то, что скажет Отец Кирилл? А если не уедет тогда, что будет с Глебом?

Глеб ведь никогда о помощи не просил, а тут вдруг так. Может просто забыл? Люди ведь по разному здороваются. Познакомился с кем-то и перенял привычку, а про их значения этого слова забыл.

Трапеза проходила как всегда тихо. Они произнесли короткую молитву и приступили к еде.

Данил привык к тишине в этом доме, и у него даже немного отлегло. Но настоятель то и дело поглядывал на него исподлобья, а затем возвращал взгляд обратно к тарелке. Это наводило на определенные мысли, которых Данил старался избежать.

Да нет, не мог он забыть. Кто угодно бы мог, но не Глеб. Глеб не такой, Глеб все помнит.

И что же делать? И остаться нельзя, и уезжать нельзя.

Пища совсем не лезла, да и тошнота какая-то подступала. Парень упорно ковырялся в тарелке, запихивая в себя еду маленькими кусочками, и старался растянуть этот процесс как можно дольше. Ведь чем дольше он будет есть, тем дольше продлится это молчание.

Когда Отец Кирилл закончил трапезу, он не стал подниматься из-за стола. Только подлил себе стакан чаю и продолжил наблюдать за Данилом. А затем вдруг сказал:

— Так и будем молчать?

Внутри словно прошелся удар тока. Он замер. Вилка повисла в воздухе. Он перестал дышать. Всего лишь на секунду, как ему казалось.

И что тут вообще скажешь?

Он помнил, как впервые оказался на пороге храма: Ему тогда было шестнадцать, он жил в Терховецке. Просто вышел из дома и направился, куда глаза глядят. Прошел час, второй, третий. Он просто гулял: шел по направлению прямо и не знал куда. Не хотел нарезать круги по району, как

делал обычно, а просто решил идти. Он даже не подозревал, что тот путь приведет его к храму. Остановился на пороге и побоялся зайти внутрь.

И тут, откуда ни возьмись, появился Отец Кирилл.

Они тогда долго говорили: о Боге, о вине, о Даниле, о его пути, который, несмотря на отсутствие цели, привел в церковь. Тогда он впервые заночевал в доме настоятеля. А затем один день растянулся на двенадцать лет.

Отца Кирилла тогда поразило, с каким покорством и смирением мальчишка выполнял каждое послушание с самого первого дня: будь то стрижка газона или вынос свечей.

Он помогал парнишке на каждом этапе его жизни.

И вот теперь парень так неблагодарно отплатил ему за все годы помощи, заботы и поддержки, что даже смотреть на него стыдно. Но и возвращаться ему больше было некуда. Да и не мог он сюда не вернуться — здесь его дом, в храме дом его души.

Только как теперь поднять глаза? Как встретиться с этим разочарованным взглядом настоятеля?

Стараясь вдохнуть как можно спокойнее, чтобы не выдать эту нехватку воздуха в груди, опустил вилку в тарелку, начал активно тыкать зубцами в рыбу.

— Я думал, при трапезе разговаривать нежелательно, — наконец, выдавил он.

— Ну, я уже закончил прием пищи. И ты — Отец Кирилл обхватил кружку обеими руками и кивком указал на тарелку

парня, — мне кажется, ты уже тоже. Нет смысла юлить. Я все понимаю. Ты не обязан становиться батюшкой, если не хочешь.

Данил сглотнул. Кажется, кусок хлеба застрял у него в горле. Он пару раз постучал себя по пищеводу, откашлялся и затараторил:

— Что вы, что вы! Нет, конечно нет! Конечно, я хочу! Как вы могли подумать?

Голос его звучал не обвинительно, не обиженно, а скорее жалобно.

— Тогда я тебя не понимаю, — по-доброму сказал Отец Кирилл.

В том и проблема: настоятель не понимает, а сам парень и объяснить не может. Не готов. Не в состоянии.

Если уж за двенадцать лет не объяснил, то и сейчас не объяснишь.

Данил потер ладонями глаза, затем провел по лицу, спустил руки ниже, остановив их на шее, опустил голову вниз.

— Поймите меня правильно. Как мне постичь волю Бога, если я себя понять не могу? Священник ведь должен быть проводником, чистым светом. А я ношу в своей душе столько грязи.

Настоятель фыркнул и улыбнулся, слегка покачивая головой:

— Главная твоя задача в храме — любить Бога и людей. Не на словах, а по-настоящему.

Данил положил руки на стол и медленно поднял голову. Виновато посмотрел на наставника:

— Бога я люблю. Но я не уверен, что готов жить с Ним. Ведь помимо Бога я люблю еще много мирских вещей, которые мне любить не стоит.

— Я понимаю, о чем ты, Данил.

Парень выдвинул голову вперед, сложил брови домиком, прищурился.

Он всего пару раз за все эти годы видел, как Отец Кирилл злится. А из себя вообще никогда не выходил. Так, чуть-чуть интонацию менял, иногда прикрикивал, но тут же возвращался к своему обычному спокойному тону.

И как у него это получалось?

— Правда понимаю. На службе ведь никому не легко, — продолжил Отец Кирилл. — Служба — это постоянная борьба со своими мыслями, немощами, слабостями. Это схватка с самим собой за любовь к людям, за любовь к Господу Богу.

— А что, если я не достоин?

— Не тебе это судить. И не мне судить.

И почему все мысли сейчас возвращались к Глебу? Данил метался. Как не прийти, если он позвал? И остаться нельзя, и уехать нельзя.

С другой стороны, не его это было решение. Судьба его отдана в руки Бога, душа отдана Ему. Только Господь мог направить его на верный путь.

— Отец Кирилл, мне нужно уехать.

— Дать, ну, я ведь не заставляю. Я понимаю твои страхи и вижу их. Просто я не думал, что ты вернешься. Что ты бежишь из семинарии через три недели обучения. Ты мог бы вообще не ехать. Это ведь не обязательно.

— Нет, Отец Кирилл, дело не в этом. Мне правда нужно уехать. По личным делам.

— По каким, не скажешь?

Данил молча прикрыл глаза, слегка кивнул.

Настоятель громко вздохнул:

— Эх, парнишка. Твои тайны когда-нибудь погубят тебя.

— Знаю.

Данил вдруг встал, обогнул стол, упал на одно колено, сложил одну ладонь на другую и протянул руки настоятелю:

— Батюшка, я поеду только с вашего благословения.

Настоятель прикусил губу, еще раз пристально оглядел парня, обхватил его плечи с обеих сторон и поднял вверх вместе с собой.

— Мое благословение тебе не нужно. Но мне кажется, ты просто бежишь от семинарии. А я не понимаю — почему? Ты же так рвался, так хотел!

— Просто я думаю, что если разберусь с тем, откуда я, то смогу идти дальше, — ладони Данила так и оставались сложенными.

— Но ведь не важно, откуда ты. Важно только, куда ты направляешься. Понимаешь?

— Я держу путь туда, куда Господь скажет. — Он кивнул,

прикрывая глаза, — Отец Кирилл, я поеду, только с вашего благословения. Без него я не посмею.

— Но без моего благословения смог ведь сбежать из семинарии? — усмехнулся Отец Кирилл.

Данил вдруг погрустнел, ладони его опустились вниз.

— Да нет, ты не подумай

Настоятель слегка хлопнул себя по лбу, прикоснулся к ладоням парня, крестообразно сложил правую руку и перекрестил его:

— Даю тебе благословение, — сказал он, положив свою руку поверх.

Данил выпучил глаза, открыл рот — скорее от удивления, чем от испуга.

— Seriously? — выдохнул он.

— Seriously, — ответил Отец Кирилл. — Если ты в пути разберешься, что для тебя есть Вера, — это правильный путь.

Данил склонил голову и поцеловал руку Батюшки.

— Езжай. Илья как раз в город на днях собирался, попросу подкинуть. — задумался и немного помолчав добавил:

— Скажи, сколько тебе денег надо? Я дам.

— Не нужно

— Я дам, — твердо перебил настоятель. — Скажи, сколько.

Глава 4

16 сентября 2024; г. Уфа

Резко дернув ногой от ощущения падения где-то в животе, Матвей проснулся на заднем сиденье машины. Слишком яркое, непривычное для сентября солнце ослепило глаза.

Следующее, что он почувствовал — духота. Она пробиралась в нос с запахом пыли, ощущалась на гладкой, сухой коже, проникала через подушечки пальцев прямо под ногти.

На щеке что-то неприятно-влажное. Парень закрыл пересохший рот, стер слюну ладонью. Приподнялся, ощутил затекшую спину, постарался потянуться и тут же долбанулся головой о крышу машины.

— Твою ж мать! — прошипел он.

Потер место, затем провел рукой назад, почесал затылок и откинулся.

Колясика с Игоряшей на переднем сиденье не было. Странно: когда он засыпал, он четко видел их там. А еще, когда он засыпал было темно. Повернул голову и в заднем стекле увидел знак «Уфа» на обочине. Значит, доехали.

Зевнул, приподнялся, хрустнул шеей — вправо, влево, вперед, назад. Душно. Неприятно. Раззявил рот, изо всех сил выдохнул и сам же дернул носом. Во рту привкус, будто кошки нагадили.

Он посмотрел вниз, там лежала бутылка газированной во-

ды. Взял ее, вода была теплой и «газированная» — уже не то слово, скорее застоявшаяся. Но не самый худший вариант. Жадно глотнул, выдохнул и уселся поудобнее. Вся спина ныла, ноги затекли, хотелось просто размяться.

Кажется, в бардачке еще оставалась жвачка. Он пролез между сиденьями, открыл бардачок. Действительно, осталась еще пара арбузных пластинок. Закинул одну в рот, зажевал. Стало чуть лучше. Потянул за ручку, открыл дверь, босыми ногами залез в кроссовки. Кроссовки почему-то были влажными, еще и пахнут. Влез в кроссовки, примяв пятки, и вышел на улицу.

Затекшие ноги едва удержали вес его тела. Парень несколько раз пошатнулся, а затем окликнул курящего неподалеку Игоряшу.

— А где ребенок? — спросил Матвей, сощурившись от яркого света.

Игоряша обернулся:

— Да припекло, пошел лопухи искать.

— Чего, поблизости нельзя было присесть?

— Нее, стесняется. — усмехнулся Игоряша, протягивая Матвею пачку сигарет. — Надо бы кофейку где-нибудь бахнуть,

Тот хохотнул, подошел ближе, достал сигарету и прикурил.

— О да, — хрипло, протянул Матвей, хлопая друга по плечу. — Только кофе я не буду, знаешь же. Вот чаек бы

бахнул.

— Ой, — Игоряша закатил глаза. Увидев выбирающегося из кустов Колюньчика, бросил сигарету на обочину, затушил подошвой и направился к машине, — только не начинай про свою порчу!

— Да я тебе говорю, порча это была! Сто процентов, — вдруг взбодрился Матвей и в своей агрессивной манере начал доказывать свою точку зрения, — или сглаз! Я точно знаю, я даже у теть Снежи спросил!

— Ну да, да! Она-то в этом разбирается. — Игоряша залез в машину, достал бутылку с водой и сделал несколько глотков, — сейчас Колька вернется, до заправки тут недалеко, хоть там остановимся. Еще бы в рот чего-нибудь закинуть.

— Насчет рта вообще не говори, — Матвей поморщился, потирая живот, — Жрать охота аж зубы сводит.

Ели они последний раз вчера утром. Гнали почти сутки, по очереди, останавливаясь только по нужде. За едой почему-то не заходили. Нервно было, всем не до того.

После всего случившегося Матвей просто завалился к Игоряше в малярку и все честно рассказал. А что еще было делать? Да и Игоряшу это напрямую касалось. Он не осуждал, только согласился с тем, что его брат — просто черт.

Сказал, что к утру они обязательно что-нибудь придумают и отправил гостя спать наверх, а сам заканчивал покраску машины.

Сон Матвею совсем не шел. Как после такого уснешь? На-

хрена эти дебилы вообще туда полезли?

Впрочем, его вроде и не сильно искали. Хотя на самом деле у Матвея не было сильных проблем с законом. Так, пару драк, да хулиганка. Он и не знал, как ищут людей. Лежал на коротком диване в малярке и шарахался от каждого шороха.

А когда дверь отворилась, подскочил на месте, напрягся, ожидая услышать: «Румянцев Матвей Семенович здесь находится?».

Сердце ухнуло в пятки. В горле пересохло, руки мгновенно взмокли. Он уже прикидывал, как здесь можно зашкереиться, но ноги будто приросли к полу.

— Доброй ночи, — послышался уже знакомый голос Колюнчика.

Слава богу.

Матвей подскочил и спустился вниз.

— А я думал, ты спишь, — сказал он. Коля странно посмотрел на него — как-то жалостливо, что ли. И по этому взгляду Матвей понял: тот все знает.

Втроем они порешали, что к утру вместе с Игорем докрасят машину, сдадут ее владельцу, после чего соберут вещи и поедут до Уфы. Все равно же собирались. Ну, выйдут чуть раньше, а там и Матвея сразу в аэропорт закинут.

Они посмотрели и прикинули: если семнадцатого числа ему нужно улететь в Депутатский, то шестнадцатого в ночь он должен быть в Якутии. Из Уфы есть прямой рейс — четыре часа. Там немного отдохнет в аэропорту, пересидит.

Денег, правда, у Матвея не хватало. Игоряша пообещал отдать ему все вырученные за машину. Сказал: не возвращать. Еще симку новую оформил для него, потому что знал, что по старой будут названивать.

Матвей позвонил соседке, просил хорошо проследить за матерью, ну и номер заодно оставил. Та пообещала заходить по нескольку раз на дню и обязательно перезванивать. Теть Снежане он тоже позвонил и просил пару раз заглянуть, по возможности. Больше звонить было некому. Единственные люди, которым он более-менее доверял, сейчас находились рядом.

Мать оставлять одну было очень переживательно. Но он успокаивал себя: ненадолго, разберется, что там, как, и вернется через неделю максимум. Что ему еще делать в Якутии?

Парни заехали к Коле, помогли собрать некоторые вещи в дорогу: чтобы было что одеть, какие-то мелочи на перекус, с которыми пускают в самолет. К ночи отвезли его в аэропорт.

Для Матвея, впервые выехавшего из Терховацка, даже Уфа была достаточно шумным городом. Слишком много людей вокруг, все угрюмые, незнакомые. Непривычно и как-то тревожно.

И хоть они фактически не выходили из квартиры до самого вечера, а до аэропорта его отвезли на машине, Матвей все равно был слишком растерянным. Он постоянно ловил на себе взгляды, его то и дело возвращали в реальность похлопывая, окликаая, или как-то отвлекали. В целом, Матвей

плохо скрывал эмоции, а свой дискомфорт и напуганное состояние — вовсе не мог выкинуть из головы.

В аэропорту парнишка совсем растерялся, не знал, куда идти. А еще он очень волновался перед полетом на самолете. Игоряша сказал, что это совсем не страшно, а вот Коля признался, что обоссался, когда первый раз полетел. Дескать, тряхануло там сильно и он там всем богам перемолился. Его фактически вели за ручку. Попрощались у прохода на посадку и сказали идти за толпой.

Ну что ж, посмотрим.

Он умудрился чуть не сесть в чужой автобус. Слава богу, что хоть кто-то его об этом спросил.

Ему попалось место у окна. И как только он сел, рядом приземлился интеллигентный, опрятный дед. В костюме, статный такой, лет под семьдесят, наверное. И ворчливый

Сначала пилот поприветствовал пассажиров на английском. Дед сразу заерзал.

— Слышали? — сказал он ни к кому и ко всем сразу. — Кошмар какой-то. Не английский, а издевательство.

Матвей промолчал. Дед не унимался.

— А форма у стюардесс? — он повертел головой. — Раньше люди в небе летали как на праздник, а теперь ну что это? Безобразие.

Матвей глянул на стюардессу и на секунду замер. Форма синяя, пилотка чуть набок, шарфик повязан узелком. Де-

вушка улыбнулась, и он почему-то смутился. Красивая, аккуратная, вся такая воздушная, что ли.

Повернулся к деду, едва сдерживая улыбку:

— А что с формой? — спросил он.

Дед закатил глаза так, будто Матвей спросил, почему трава зеленая.

— Конечно, пролетариат, — пробормотал он и махнул рукой. — Вам лишь бы дешево и сердито. Раньше стюардессы как кинозвезды выглядели, форма черная, аккуратная такая. А сейчас

Матвей хотел спросить, а когда это «раньше» было, но передумал. Пристегнулся, уставился в иллюминатор и дождался вылета.

Самолет был узкий, воздух спертый. По ощущениям, как старый автобус. Не страшно, не трясло. По крайней мере, большую часть пути.

Матвей ткнул наушники в уши, откинул кресло назад и прикрыл глаза. Даже удалось немного задремать. Не понял сколько прошло времени, сколько музыки в плейлисте прошло. Только душно стало, и ноги неприятно вспотели. Но снимать кроссовки не собирался — не хватало еще своим душком отпугивать окружающих.

Реальность ворвалась резким толчком.

Матвей чуть ли не подпрыгнул на месте. Сердце бешено заколотилось, отдаваясь где-то в запястьях, в голове. Ноги, стоявшие на полу, будто бы не чувствовали веса. Центр тя-

жести сместился куда-то в середину.

Еще раз тряхануло.

Он открыл глаза, обернулся в одну сторону, затем в другую. Все сидели спокойно.

Самолет заходил ходунгом. Над головой загорелась табличка: «Пристегните ремни безопасности. Займите свои места».

— Уважаемые пассажиры, самолет вошел в небольшую зону турбулентности. Пристегните ремни безопасности, — продублировал голос из динамика.

Матвей пристегнулся. Сложил губы трубочкой, глубоко вдохнул через нос, быстро выдохнул ртом, стараясь успокоиться. Вцепился руками в подлокотники.

Самолет качнуло еще раз, сильнее. А потом — провал.

Короткий, резкий, как удар под дых. Матвей почувствовал, как внутренности будто подвисли в невесомости. Сердце пропустило удар, потом забилося где-то в ушах. Воздуха не хватало. Он открыл рот, хотел вдохнуть, но легкие будто сжались.

Подлокотник захрустел под пальцами.

Сквозь шум в голове прорезался отчетливый детский плачь. Уши резко разложило, собственное сердцебиение словно совсем пропало, тряска вокруг больше не ощущалась так резко.

Матвей повернул голову. Позади него сидела девочка. Лет пяти, наверное, не больше. Глаза красные, опухшие, слезы

катились по щекам, нос распух. Мать обнимала ее, гладила по голове, что-то шептала, но девочка все равно плакала взахлеб.

Матвей отстегнул ремень, повернулся, уперевшись коленкой в свое кресло, по-доброму улыбнулся.

— Ну ты чего, малая? — тихо спросил он.

Девочка посмотрела на него. Всхлипнула, замолкла, хотя слезы все еще текли.

— Тебе страшно? — спросил он. — Ну я тоже вон боюсь. Но это ж не значит, что что-то плохо, да? Все ж хорошо. Нормально летим. — Он кивнул на иллюминатор, за которым было серое небо и облака. — Чего плакать-то? Видишь, все хорошо.

После чего полез в рюкзак Коли, нашарил запечатанную бутылку воды, достал.

— Пить хочешь?

Девочка молчала. Только смотрела на него большими влажными глазами. Мать продолжала гладить ее по голове, не мешая, только благодарно кивнула Матвею через кресло.

— Давай так, — сказал он. — Ты плакать не будешь, и я не буду. Договорились?

Он протянул ей кулак. Девочка секунду помедлила, потом несмело отбила его маленькой ладошкой и взяла бутылку из рук.

— Умничка, — добродушно сказал Матвей.

В этот момент рядом оказалась стюардесса. Аккуратно, но

настойчиво тронула его за плечо.

— Извините, вам нужно вернуться на свое место и пристегнуть ремень.

— Ах, да, — спохватился Матвей. — Сейчас, извините.

Он сел обратно в свое кресло, защелкнул ремень. Глянул на девочку через щель между сидениями, улыбнулся ей и подмигнул.

Девочка уже не плакала. Сжимала в руках бутылку с любопытством разглядывала Матвея.

— Страшно, поди, в первый раз? — спросил дед, когда Матвей откинулся в кресле.

Сказанное не сразу дошло до парня.

— Что? — переспросил он, обернувшись на соседа.

Тот повернул голову, посмотрел на него.

— Страшно, поди, в первый раз?

— Ага, — признался он. — потряхивает.

— А ты не бойся, — дед усмехнулся. — Я свой первый полет в восемьдесят четвертом помню. Вот тогда самолеты были не то что сейчас. Жесткие, шумные, трясет — будто в стиральной машине летишь. И курить можно было, представь себе. Сидишь в таком вот кресле, вокруг дым коромыслом, а ты молишься, чтоб долетел.

Матвей усмехнулся, но промолчал.

— Ты вообще как путешествуешь? — спросил дед. — На поездах? Автобусах? Или так, ножками?

— Да я из поселка-то дальше двадцати километров не вы-

езжал. Вот первый выезд и сразу на четыре тысячи километров.

Дед посмотрел на него внимательно, без осуждения.

— Ну, значит, пора. Обязательно надо мир посмотреть. В Париж съездить, в Риме побывать, в Колизее. В Лондоне, на старом мосту. В Нью-Йорке, на статую Свободы посмотреть. В Токио, на небоскребы. Иначе какой смысл в жизни, которая размером с коробку?

Матвей неловко улыбнулся, отвел взгляд.

— Может быть, когда-нибудь, — сказал он тихо.

Дед хмыкнул, но больше ничего не сказал. Только отвернулся к иллюминатору. Матвей снова посмотрел на девочку — та уже успокоилась, прижалась к матери и сжимала бутылку с водой. Он улыбнулся своим мыслям и закрыл глаза. Самолет все еще покачивало, но парня больше не трясло.

И пока самолет с Матвеем подлетал к Якутску, Паша уже проснулся. Успел умыться, одеться, выпить кофе из автомата в холле.

Он прилетел на сутки раньше. Хотел выспаться, прийти в себя, подготовиться. А в итоге почти не спал. Ворочался, смотрел в потолок, пытаясь справиться с назойливыми мыслями.

А еще надеялся получить хотя бы один звонок от Андрея или от Леночки. Они должны были звонить, докладывать о делах. Он даже предупредил, чтобы держали в курсе. Но телефон молчал.

Ни одного пропущенного. Ни одного сообщения.

Он проверил утром — тишина. Будто все забыли, что он уехал. Или, наоборот, обрадовались, что наконец-то можно работать спокойно, без начальника над ухом. Паша усмехнулся этой мысли, но на душе стало мутно.

Сейчас он сидел на кровати в номере отеля неподалеку от аэропорта. Голубая рубашка слегка помялась, драповое пальто валялось брошенным рядом. Нога отбивала неровный ритм. Мысли путались, не давали сосредоточиться.

И почему именно Глеб вечно выбивал его из колеи?

Паша зажмурился. Сначала надо было разобраться в том, что уже известно. Он привык опираться на факты. Но нутром чуял: предположение о том, что Глеб просто хотел увидеться, — неверно. Не вязалось это с Глебом.

Или эта интуиция ему подсказывала? В любом случае, Паша был уверен: все не так просто, как кажется.

Проблема в том, что интуиция у Паши работала крайне хреново. Обычно он руководствовался логикой. А факты, как ни посмотри, выдавали плохой расклад.

ФАКТ 1: *Глеб всегда писал со своей почты.*

Зайти на свою почту с любого гаджета — меньше минуты.

ФАКТ 2: *Глеб никогда не обозначал точное местонахождение.*

О всех своих путешествиях он рассказывал размыто, не упоминая точных локаций, иногда умалчивая имена людей. Паша всегда был уверен, что зажатый Глеб просто забывает

о таких мелочах. Да и в целом — ему не рассказывали, он и не спрашивал.

ФАКТ 3: Глеб никогда не звал приехать, в какой бы заднице ни находился.

Как-то его чуть не посадили, когда он случайно оказался в рядах контрабандистов, перевозивших через границу какие-то лекарства. Просто попросил подкинуть, а в итоге провел семнадцать суток за решеткой в Саудовской Аравии. Паша тогда рвался помочь. Глеб даже слушать не стал. Сам выпутался. А тут — позвал.

ФАКТ 4: «Здорово, родной!» — и этим все сказано.

Теперь осталось самое сложное: каких деталей не хватало?

Не хватало вообще никаких.

Глеб был на раскопках в Янском улусе. Снял квартиру в Депутатском. Кстати, не очень близко, на самом деле, по крайней мере по картам. Много времени проводил в библиотеке.

И что это давало? Ровным счетом ничего. Ничего, блин, это не давало.

Что-то явно случилось. Не позвал бы он его просто так. Вот только Паша не мог предположить масштаб проблемы, из-за которой Глеб попросил тащиться невесть куда. Пазл не складывался. Деталей не хватало.

Стоп.

А если деталей не хватало именно потому, что он позво-

лял себе думать о Глебе как о о ком? О ком-то, кто не способен на обычный звонок?

Глеб был способен на все. Кроме одного — быть предсказуемым.

Паша встал, подошел к окну. За ним висело серое небо Якутска. Самолета еще не было видно. Он смотрел на свое отражение в стекле и вдруг подумал о том, как это обычно бывало.

Глеб появлялся у него на пороге в лучшем случае пару раз за год. Такие дни нельзя было назвать счастливыми. Они были болезненно уязвимыми и казались Паше единственно настоящими, в отличие от всего остального. Глеб возвращал ему странное ощущение жизни. Тягучее, сложное, нервное, но необходимое. И всего на одни сутки к нему возвращалось это чувство целостности, а потом предстояло долго отходить и снова свыкаться с собственным одиночеством.

Еще Пашу бесил этот хаос.

В такие дни все встречи и работа летели к чертям. И хоть бы раз Глеб предупредил. Нет же. Появлялся на пороге и все. Весь день шел насмарку.

У него были свои правила. Он словно боялся задержаться в квартире друга чуть дольше. Хотя мог бы. Мог бы и пожить у него, Паша предлагал.

Если так подумать, он толком и не знал этого Глеба. Он полжизни знал другого — скромного, замкнутого мальчишку. А этот человек был ему не знаком. Появлялся на пороге

пару раз в год, оставался ночевать перед аэропортом.

Почему Глеб ни разу не говорил, что прилетает? Почему не заходил по дороге домой? Почему не оставался больше, чем на сутки?

А может, Глеб просто забыл о значении этих слов и позвал его в гости?

Из мыслей вывел противный, пищущий сигнал будильника.

Нет.

Даже если забыл, письмо было слишком сухим. В нем стояли четкий адрес и дата. Это было неспроста.

Глеб никогда не оставлял следов. А тут — оставил. Наме- ренно. Или Или он хотел, чтобы Паша их прочитал правильно. Но для этого Паше нужно было перестать думать о Глебе как о

Как о ком?

Как о человеке, из-за которого отказывала логика?

Новый сигнал будильника.

Пора было выселяться.

Нога все еще отбивала рваный ритм. Паша взял с кровати пальто, ключ от номера, чемодан и вышел в коридор. Крас- ный ковер, длинный, чуть стертый у лифта. Стены бежевые, с темными деревянными панелями. Тишина. Только гул кондиционера где-то под потолком.

Спустился на лифте. На первом этаже, слева от ресепше- на, стояли низкие диванчики с деревянными подлокотни-

ками. На столике стояла ваза с искусственными цветами и стопка бесплатных журналов про Якутию. В воздухе пахло кофе и сладкой ванилью.

Паша ожидал худшего: дешевая гостиница у аэропорта, где пахнет хлоркой и тараканы бегают по стенам. Но этот отель оказался вполне приличным. Даже ковры везде, и на ресепшене конфеты в вазочке, и стойка такая высокая, что детям приходилось задираТЬ голову.

Он вышел из отеля. Воздух был холодный. На улице градусов пять, наверное. Небо серое, низкое, без солнца. До аэропорта пять минут пешком: сначала направо, потом налево, мимо стоянки такси и ряд низких зданий.

Аэропорт виднелся сразу: большое, светлое здание с куполообразной крышей. Паша толкнул стеклянную дверь и вошел внутрь.

Накопитель оказался огромным. Высокие потолки, ряды кресел, люди с чемоданами, дети, старики. Где-то слева были лавки с серебром и бриллиантами, справа еда.

Данил сидел в этом накопителе уже пятый час, в ожидании рейса до поселка Депутатский. Сам парень развалился в кресле, откинув голову на спинку и просто старался не отрубиться, хотя глаза то и дело закрывались, голова падала, тут же возвращая его в явь.

Кресло было жестким. Пластик продавился под ним, но не настолько, чтобы стало удобно. Дорожная сумка покоилась на коленях, чтобы никто ненароком не утащил. Вокруг гу-

дели голоса. Объявления по громкой связи: сначала на русском, потом на якутском, потом снова на русском. Он уже перестал их слышать.

Пальцы сами собой нащупали в кармане куртки четки. Гладкие, деревянные бусины, чуть теплые от тела. Он перебирал их механически, не молясь, не думая, просто чтобы занять руки.

Где-то рядом, через кресло, женщина говорила с дочкой:
— Как только объявят, сразу бежим. Не отставай, слышишь? Сумку не выпускай из рук.

Девочка что-то пискнула в ответ.

— Да не ной. Если не успеем, неделю здесь проторчим. А у тебя школа.

Данил приоткрыл глаза, чтобы посмотреть на говорящих: уставшая мать в темной куртке и девочка лет десяти, с двумя косичками, в розовом рюкзаке, вертела головой, глазела по сторонам.

Он снова закрыл глаза. Где-то плакал ребенок. Громко, надрывно. Мать шипела на него, потом замолкала, потом начинала снова.

Даня потер переносицу. Под веками все плыло. Пять часов. Он прилетел, сел, и вот уже пять часов. Плечи затекли, поясница совсем разнылась. Спать хотелось невыносимо.

Он чуть подвинулся, поправил сумку, чтобы не мешала проходящим. Взгляд упал на табло. Рейс на Депутатский еще не объявлен. Время на часах тянулось, как резина.

— Ой, мам, смотри, какой дяденька сидит, — громко сказала девочка.

Данил не открыл глаз.

— Цыц! — шикнула женщина. — Не показывай пальцем. Он почувствовал, что она на него смотрит. Или девочка. Неважно.

Четки перебирались в кармане тихо, беззвучно. Бусина за бусиной. Дерево о дерево почти не стучало. Он закрыл глаза и представил, что все это происходит не с ним. Что он сейчас в храме, в своей маленькой келье, и на улице еще темно, и надо вставать к утренней службе.

Но вместо ладана в носу неприятно щипало от запаха кофе из автомата и дешевой парфюмерии, которой кто-то облился.

— Объявляется посадка на рейс — голос из динамика прорезал тишину.

Женщина с дочкой вскочили.

— Бежим!

Даня открыл глаза. Посмотрел на табло. Не его рейс. Батагай.

И снова откинулся на спинку.

— Жутко устал, моя хорошая. Но триста рублей за воду — совсем грабеж! — вдруг послышался до боли знакомый голос.

Он не мог ошибиться. Сколько бы ни прошло лет, сколько бы ни перекрывала этот голос чужая музыка, речь, гул аэро-

порта, он узнает его из любой толпы.

Данил замер.

Четки в кармане остановились.

Сердце пропустило удар. Дыхание затаилось где-то в горле. Пальцы в кармане сжались на бусинах так сильно, что дерево впилось в кожу.

Может просто переутомился?

Он поднялся с кресла и обернулся: Матюшка стоял у ларька с водой в десяти метрах. Широко улыбался девушке за прилавком, протягивая купюру. Девушка что-то сказала, он кивнул, забрал бутылку и повернул голову к табло.

Их взгляды встретились.

Улыбка сползла с лица Матвея, глаза сузились, стали колючими, злыми.

Данил сделал шаг. Потом второй. Ноги двигались сами, не спрашивая разрешения. А вот Матюшка словно замер. Бутылка в его руке хрустнула.

Данил подошел ближе. Не успел ничего сказать, как Матюшка схватил его за шиворот, дернул на себя, занес кулак для удара, но напряженная, трясущаяся рука зависла в воздухе. Лбом уперся в лоб Данила. Ноздри расширились и дыхание стало тяжелым, рваным.

Даня закрыл глаза, показательно выставил ладони вперед, показывая, что драться он не намерен.

Кто-то схватил Матюшку за запястье. Пальцы крепко сжались вокруг его руки. Он дернулся, но хватка не ослабла.

Вторая рука легла на плечо Данила, мягко, но настойчиво отстраняя назад.

Поднял голову, ожидая увидеть подоспевшую к ним охрану, но перед ним оказался запыхавшийся Паша, который ошеломленно переводил взгляд с одного на другого.

— Это прикол какой-то? — прохрипел Матюшка. Голос сорвался, прозвучал злобно и растерянно одновременно.

Что-то щелкнуло в динамиках, послышался негромкий треск, а затем над накопителем разнеслось:

— Авиакомпания «Северная Арктика» приглашает на посадку рейс четыре восемь пять Якутск-Депутатский. Выход номер три. Пассажиров с детьми и тех, кому нужна помощь, просим к стойке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.